

литературное
НОВОИ
обозрение

№ 23 (1997)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Редакция

Ирина Прохорова (главный редактор)
Сергей Козлов (теория)
Сергей Панов (история)
Татьяна Михайловская (практика)
Абрам Рейтблат (библиография)

Редколлегия

Константин Азадовский (Петербург)
Хенрик Баран (Олбани, Нью-Йорк)
Галина Белая (Москва)
Николай Богомолов (Москва)
Вадим Вацуро (Петербург)
Михаил Гаспаров (Москва)
Александр Жолковский (Лос-Анджелес)
Андрей Зорин (Москва)
Ларс Клеберг (Стокгольм)
Александр Лавров (Петербург)
Джон Малмстад (Кембридж, Массачусетс)
Александр Основат (Москва / Лос-Анджелес)
Омри Ронен (Анн Арбор, Мичиган)
Игорь Смирнов (Констанц / Мюнхен)
Роман Тименчик (Иерусалим)
Евгений Годдес (Рига)
Александр Чудаков (Москва)
Михаил Ямпольский (Нью-Йорк)

МОСКВА

В. Ф. ХОДАСЕВИЧ И И. Н. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

ПЕРЕПИСКА

Публикация Джона Малмстада

В статье «Скучающие поэты» в парижской газете «Возрождение» (№ 1703) от 30 января 1930 г. — рецензия на новые сборники стихов, в числе которых был и второй сборник парижского «Союза молодых поэтов и писателей», — Владислав Фелицианович Ходасевич, «тот, кто каждым ответом/Желторотым внушает поэтам/Отвращение, злобу и страх» («Перед зеркалом», 1924), писал: «Участники «Союзного» сборника от них (других «скучающих поэтов». — Д. М.) не отстают. Каждый дал по одному, по два стихотворения — но редко кто не успел в них сказать о тоске, о скуке <...>. В своем видении мира поэт его судит — и в этом суде свободен. Критик в праве не соглашаться с ним, но не в праве оценивать поэзию, смотря по тому, совпадает ли мировоззрение поэта с его собственным. Требовать от поэта, чтоб он видел мир таким, а не иным, — значит ничего не смыслить в поэзии. Декретировать поэзии «бодрые» или «примиренные» настроения — такое же варварство, как декретировать противоположные. В частности, о русской поэзии еще Пушкин заметил: «От ямщика до *первого* поэта мы все поем уныло». Самое бодрое произведение русской словесности, вероятно, «Песня о буревице»: это ей не мешает быть и одним из самых плохих.

Все восприятия мира одинаково поэтичны. Единственное, непоэтическое по самой природе своей, есть скука. Но это потому, что в действительности она есть не восприятие, а *результат отсутствия восприятия*, результат душевной невосприимчивости. Скука может быть предметом поэтического изображения (как все на свете), — но не двигателем поэтического творчества. <...>

Стихотворец, которого основное состояние есть скука, похож на жернов, трудящийся без зерна. Большинство молодых поэтов наших скучает. <...> было бы хорошо, если бы вместо бесплодного скучания молодежь наша занялась изучением языка и стиля».

«Кличка “строга критика”», как писал Ходасевич в одной из рецензий, «плотно пристала» к нему и, по его же признанию, огорчала его: «Всякий раз, как я слышу ее, мне становится больно и ст—но: не за себя, а за тех, кто ее произносит. <...> Упреки такие суть следствие обывательского представления о критике. Поблажливая критика унижительна для критикуемого и вредна, как всякая ложь. <...> Огорчительно, что поблажливой критики порой ждет молодежь. Очень хорошо знаю, что к писателю начинающему нельзя предъявлять те же требования, как и к законченному, сложившемуся мастеру. Именно по этой причине я нередко высказываюсь сочувственно о таких книгах и отдельных произведениях, которые весьма меня огорчили бы, если бы были подписаны не безвестным, но славным именем. Не менее мне известно и то, что автору, едва вступающему на литературное поприще, должен быть оказан некоторый «кредит». Я его и оказываю» («Новые стихи»//Возрождение. 1935. 27 сентября. № 3403).

Одним из начинающих поэтов, которому Ходасевич в свое время «оказал некоторый кредит», был Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904—

1969). В рецензии на «скупающих поэтов» Ходасевич писал, что видит в его стихах «просветы» в «унылом мраке молодой эмигрантской поэзии»: «Не оригинальны, но хорошо и серьезно сделаны белые стихи И. Голенищева-Кутузова». Они познакомились лично лишь через несколько месяцев после того, как эта рецензия увидела свет: «В Табас / Вечером» Терапиано, Кнут, Раевский, Голенищев-Кутузов» («камерфурьерский журнал», 22 марта 1930 г.). Ходасевич довольно редко виделся с молодым литератором и филологом, в то время занимающимся романской литературой на филологическом факультете Сорбонны и писавшим литературно-критические статьи и фельетоны для русских парижских газет и журналов. (О нем см.: *Жирмунский В. М.* Памяти И. Н. Голенищева-Кутузова // *Голенищев-Кутузов И. Н.* Творчество Данте и мировая культура, М., 1971; и предисловие Д. С. Лихачева к книге его избранных статей «Славянские литературы». М., 1973.) Обычно они встречались в компании других писателей. Так, Голенищев-Кутузов присутствовал на «юбилее» Ходасевича 4 апреля 1930 г., устроенном парижскими писателями старшего (Бунин, Алданов, Зайцев, Осоргин, Тэффи, Вейдле, Вишняк, Волконский и др.) и младшего (Кнут, Раевский, М. Струве, Кузнецова) поколений; 31 октября 1931 г. они оба участвовали в вечере поэтического кружка «Перекрестка» («Вейдле, Терапиано, Смоленский, Голенищев-Кутузов, Мандельштам, Кнут. С ними в Ротонду»; «камерфурьерский журнал»).

Нельзя сказать, что отношения между двумя писателями превратились в нечто большее, чем знакомство. Таким образом, их переписка имеет случайный, хотя и дружеский характер и редко переходит в обмен мнениями на литературные темы. Тем не менее после того как Голенищев вернулся в Белград, где он преподавал и был руководителем различных кружков молодых русских писателей (см. замечательную книгу на сербском языке: *Джурич Остоя.* Русская литературная Сербия, 1920—1941: Писатели, кружки и издания. Белград, 1990; в 1955 г. Голенищев, советский гражданин с 1946 г., вернулся в СССР), контакты между ними не оборвались, и они продолжали видеть друг в друге поддержку, необходимую каждому из них в двух центрах русского Зарубежья тридцатых годов. Их обмен письмами, начавшийся в 1932 г., оборвался только в 1936 г., когда Ходасевич дал отрицательную (и вполне справедливую) оценку маленькому поэтическому сборнику, отредактированному Голенищевым. Молодой писатель должен был радоваться тому, что его старший соратник отозвался на стихи не в печати (как он просил), а письменно, но, по-видимому, он обиделся на отзыв и на письмо Ходасевича не ответил, как и не написал обещанную статью о его творчестве.

Для историка русской литературы основное в этой переписке, несомненно, те факты, которые проливают свет на не написанную Ходасевичем биографию Пушкина. Он нуждался в поддержке, чтобы продолжить написание ее и обратился за этой поддержкой к Голенищеву, а через него и к русским культурным организациям в Сербии. 6 октября 1921 г. Ходасевич, уже автор многих статей, заметок, очерков и рецензий о Пушкине, знаменитый и своей «пророческой» речью о нем, прочитанной в Петрограде в феврале 1921 г. на «пушкинских торжествах», писал своей второй жене, А. И. Чулковой: «Был у Герш<ензона>. <...> Биограф<афию> Пушкина заказал мне от имени Сабашн<икова>, который сидит, но, вероятно, скоро будет освобожден» (РГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 48). Сложность задачи и

эмиграция самого автора предполагаемой биографии как будто поставили крест на этом намерении. Но, как писал друг и исследователь Ходасевича Владимир Вейдле, «как Ходасевич связан с Пушкиным, так он не связан ни с каким другим русским поэтом, и так с Пушкиным не связан никакой другой русский поэт» («Поэзия Ходасевича»//Современные записки. 1928. Кн. 34, С. 454). В 1924 г. он выпустил в Ленинграде том своих исследований о Пушкине («Поэтическое хозяйство Пушкина») и продолжал постоянно о нем писать, как будто копя материал и опыт для главной книги. (Второй сборник его статей «О Пушкине» вышел в издательстве «Петрополис», Берлин, 1937.)

Идея написать биографию Пушкина, в котором он видел «необходимость и неизбежность» для всякого русского писателя и для всей русской литературы и которого он считал «мерилом» русской словесности, была отложена, но не забыта. Необходимость газетной поденщины, о которой он писал одному из редакторов «Современных записок», М. В. Вишняку, 8 декабря 1927 г. («Чтобы не голодать, я должен писать в газете всех больше. <...> Писание газетных (т. е.: неизбежно «общественных») статей меня изматывает душевно». — Новый журнал. 1944. Кн. 7. С. 295), не оставляла ему ни времени ни сил для такого серьезного занятия, как биография Пушкина. Правда, в 1931 г. он выпустил книгу о Державине, но для написания ее он должен был осилить всего два тома Я. К. Грота, главный его источник в работе («Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам». СПб., 1880—1883), а не громадную «пушкиниану». И все-таки в конце марта 1931 г., через три месяца после того, как окончил «Державина» (работа была завершена 6 января 1931 г.), он принялся за чтение этой литературы и читал каждый день, а 1 мая того же года начал писать самую биографию. Осенью газетная работа опять страшно мешает ему, и 23 июля 1932 г. он пишет Н. Н. Берберовой: «“Крест” на Пушкине значит очень простое: в нынешних условиях писать его у меня нет времени. Нечего тешить себя иллюзиями. Но, с другой стороны, условия могут измениться — никто не помешает мне ими воспользоваться» (Минувшее. 1988. № 5. С. 286). То, что он успел написать, первые главы биографии, было опубликовано на страницах «Возрождения» с подзаголовком «Из книги “Пушкин”»: «Начало жизни» (1932. 30 апреля. № 2524), «Литература» (1932. 9 июня. № 2564) и «Молодость» (1933. 9, 12, 16 и 19 марта. №№ 2837, 2840, 2844 и 2847).

Условия как будто изменились в середине тридцатых годов, когда приближающееся празднование столетия со дня рождения «солнца русской литературы» открывало перед Ходасевичем практическую возможность написать и издать биографию поэта. На нее даже была объявлена в январе 1935 г. предварительная подписка (см. текст «прокламации» в примеч. ко второму письму), и Ходасевич обратился к своим знакомым, в том числе к Голенищеву, с просьбой помочь найти подписчиков: «Без этого дела я, кажется, просто не сведу концов с концами <...> не смогу писать, если не раздобуду денег» (2 января 1935 г.).

Следующее письмо Ходасевича В. Ф. Зеелеру (1874—1954), генеральному секретарю Союза Русских писателей и журналистов в Париже, одной из организаций, оказывавших помощь писателям-эмигрантам, дает вполне отчетливое представление о положении, в котором Ходасевич находился в то время (да и все его время в эмиграции):

Многоуважаемый Владимир Феофилович,

Ваше письмо от 9 окт<ября>, полученное мною только сегодня, огорчило меня в высшей степени. Долг союзу камнем лежит на моей душе. Беда в том, что когда я его делал, я зарабатывал больше двух тысяч в месяц. К первоначальному сроку уплаты мой заработок уже значительно сократился, а теперь я зарабатываю всего 1400 фр. в месяц. Эти деньги и составляют *единственный* источник существования моего и моей жены. В частности, Правление союза благоволит констатировать, что со временем начала моей работы в Возрождении, то-есть с того момента, как я получил более или менее постоянный заработок, я ни разу не обращался к союзу за безвозвратными пособиями. Так ли поступали другие писатели, — это союзу известно лучше, чем мне.

Обстоятельства мои исключительно тяжелы. Я не получал и не получаю никаких субсидий от иностранных правительств. В пользу мою ни разу не было устроено ни одно из развлечений, устройством которых общество поддерживает писателей, гораздо более обеспеченных, чем я, и гораздо менее работающих. За последние три года я лишь однажды имел возможность (благодаря своей сестре) провести десять дней вне города. Что есть у меня? Опрятная квартира и весьма скромное пропитание. Конечно, я мог бы отказаться и от того, и от другого, но как, живя в конуре и не питаясь, я мог бы работать? Меж тем, повторяю, я принадлежу к числу писателей не только номинально, но и фактически, то-есть живу литературным трудом, а не за счет благотворительности. При всем том за нынешний год я выплатил 2000 франков налогов, а за недоплаченные 369 фр. у меня описана мебель (документ прилагаю). <К этому месту имеется примечание Ходасевича от руки: «Простите: не могу приложить: необходим при уплате этих денег в рассрочку».> (За 9 лет работы в Возрождении я по неопытности переплатил лишних 3000 фр., налога, так как имел неосторожность показывать свои доходы в графе свободных профессий.)

Словом, я приложу все старания к тому, чтобы по частям погасить этот злосчастный долг. В настоящий момент у меня имеется 60 франков, на которые надо прожить четыре дня. Недавно я был болен и не мог написать очередной фельетон (болезнь, нервная экзема на руках, вообще отняла у меня много сил и денег). Поэтому 15 числа я получу всего 200 фр. гонорара, а надо жить до 1 ноября и заплатить 1100 фр. за квартиру. Что я могу сделать? Буквально ничего не могу предложить союзу, кроме меховой кофты, недавно полученной моею женой в подарок от брата — он служит в меховой фирме в Берлине. Такая кофта в магазине стоит франков 800 — быть может, кто-нибудь из писателей, имеющих посторонние доходы, приобретет ее для своей жены или дочери? Моя жена отдала бы ее со скидкой. Я попытаюсь навести справки.

Все это мог бы я изложить пространнее — простите за торопливость и опечатки. Но мне надо сию минуту садиться за очередную статью — о медленном самоубийстве Поплавского и, быть может, о том, что самоубийство есть последнее прибежище *пишущих* писателей, т. е. живущих работой, а не рекламой. <К этому месту имеется примечание Ходасевича: «За 9 лет я написал более 700 статей — около 250.000 газетных строк — и книгу о Державине».>

Повторяю — я весьма намерен платить, но в настоящий момент нахожусь в положении вообще катастрофическом.

Примите, дорогой Владимир Феофилович, самые искренние уверения в глубоком уважении, которое лично к Вам я испытываю.

Владислав Ходасевич.

12 окт<ября> 935.

Не менее выразительной является его статья «О смерти Поплавского» (Возрождение. 1935. 17 октября. № 3788), в которой Ходасевич писал следующее: «<...> не было нужды ни в какой дальновидности для того, чтобы говорить о воздухе распада и катастрофы, которым дышит, отчасти даже и упивается молодая наша словесность. <...> Пусть монпарнасские веяния ложны и гибельны (от этого взгляда своего я и сейчас не могу отказаться, смерть Поплавского меня даже еще более в том укрепляет); пусть, таким образом, очутился Поплавский жертвою внутренних своих (и не только своих) заблуждений. Но беда в том, что далеко не одни эти заблуждения были причиной его гибели. Тут чрезвычайно большую роль сыграли обстоятельства, в которых ни Поплавский, ни его друзья никак неповинны. Этих то вот обстоятельств я и намерен еще раз коснуться, потому что бессовестно было бы их не замечать или молчать о них, а еще потому, что не только заблуждения идейные, но и эти самые обстоятельства играют важную роль в том всеобщем отчаянии, которым охвачены молодые слои эмигрантской литературы. Отсутствие веры в жизнь, в себя, в самое творчество (и не только в это) лишь отчасти составляет собственную вину молодежи. В меньшей, а может быть и в еще большей степени на путь безверия и отчаяния толкают ее силы внешние, лежащие за пределами Монпарнасса. Я разумею то поразительное равнодушие, которое проявляет эмиграция к своей молодой словесности. <...> Отчаяние, владеющее душами Монпарнасса, в очень большой степени питается и поддерживается оскорблением и нищетой. Я говорю не о материальных затруднениях, знакомых почти всей литературной среде: я имею в виду подлинную, настоящую нищету, о которой понятия не имеет старшее поколение. За столиками Монпарнасса сидят люди, из которых многие днем не обедали, а вечером затрудняются спросить себе чашку кофе. На Монпарнассе порой сидят до утра, потому что ночевать негде. Вздор, пошлый вздор, выдуманный слишком сытыми людьми, — будто бедность способствует творчеству, чуть ли не «стимулирует» его. Человек не выспавшийся, потому что у него нет пристанища, человек, которого мутит от голода, человек, у которого нет угла, чтобы уединиться, — писать не может, хоть будь он сто раз гением. <...> Дневной бюджет Поплавского равнялся семи франкам, из которых три отдавал он приятелю. Достоевский рядом с Поплавским был то, что Рокфеллер рядом со мной. <...> Общество, тщательно осведомляемое о «трудах», о «замыслах» и даже о летних отдыхах маститых представителей эмигрантской словесности, не имеет понятия о невыносимом существовании тех, кто пытается делать не вчерашний, а нынешний день русской литературы <...>. Только тогда, когда совершается катастрофа, начинаются судорожные сборы на похороны и венки. Если бы за всю жизнь Поплавского ему дали хоть столько денег и заплатили столько гонораров, во сколько теперь обходится его погребение, — быть может, его бы и не пришлось хоронить так рано. Но на смерть молодых писателей деньги находятся, на жизнь — нет. <...> Иностранные правительства, общественные организации и многие частные лица истратили миллионы

франков на поддержание старой, уже вчерашней русской литературы за рубежом. Для литературы молодой, сегодняшней и завтрашней, страдающей несравненно мучительней, не было сделано ничего или почти ничего».

Статья Ходасевича вызвала ответ Зеелера («Необходимые поправки») на страницах «Последних новостей» (№ 5342, 8 ноября 1935), реакцией на который стала статья Ходасевича «Поправки к поправкам» (Возрождение. 1935. 14 ноября. № 3816), в которой он писал, что в статье о смерти Поплавского говорил «не обо всех писателях, по стажу или по возрасту относимых к числу старших, а лишь о небольшой группе их, о тех людях, которых слова и поступки могут оказывать влияние на судьбу младших. <...> Не спору, что многие, весьма многие литературные работники старшего поколения впрямь голодают, — но это те, которые обделены талантом, или удачей, или умением жить, и которые по недостатку влияния на ход литературных дел за судьбу молодежи неотвественны», и что «критика Союза и его деятельности в мою задачу не входит, и я бы ни в коем случае не коснулся Союза, если бы Вл. Зеелер на это меня не вызвал».

Неудивительно, что при таком финансовом положении (не говоря о психологическом и моральном его состоянии) Ходасевич, автор лучшей литературной биографии на русском языке («Державин»), наконец, вынужден был бросить свой пушкинский план. 25 марта 1936 г. он писал Голенищеву: «Подписка шла хорошо, но книгу я раздумал писать: «Возрождение» заело». К тому же и требовательность к себе, отсутствие специальной литературы и почти постоянная болезнь привели к тому, что биография Пушкина осталась незавершенной, а русская литература, «расколенная пополам», как писал Ходасевич В. И. Иванову в 1925 г. (добавляя: «и обе половины гниют каждая по своему»), потеряла еще одно возможное классическое произведение.

Письма И. Н. Голенищева-Кутузова к В. Ф. Ходасевичу находятся в фонде Н. Н. Берберовой в рукописном отделе Библиотеки Бейнеке Йельского университета (США); письма Ходасевича к нему хранятся в Библиотеке Сербской Академии наук в Белграде (бр. 9289). Оба корреспондента придерживались старой орфографии. Все письма Голенищева написаны от руки; письма Ходасевича от 9 января 1932 г., 2 января 1935 г. и 7 августа 1935 г. — от руки, а остальные — машинопись с подписью. Письмо В. Ф. Зеелеру находится в фонде Зеелера в Бахметевском архиве Колумбийского университета.

Выражаю благодарность Миловойе Йовановичу за предоставление мне копий писем Ходасевича и Vincent Giroud, Куратору отдела книг и рукописей по современной литературе и культуре Библиотеки Бейнеке, за тексты писем Голенищева-Кутузова. Благодарю В. Е. Гитина и Д. Б. Нерубенко за помощь в подготовке публикации.

1. ХОДАСЕВИЧ – ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

9 янв<аря> 1932.

Дорогой Илья Николаевич,

Н. Н.¹ передала мне вопрос Ваш о «С<овременных> З<аписках>», но я не писал Вам, ибо дело менее спешное, чем Вам кажется. Во 1-х, книга выйдет, по словам Вишняка², не раньше 16 числа. Во 2-х, я буду знать свои планы только во вторник. Вот во вторник, в 4 часа, не придете ли в *La Royale, на rue Royale*?³ Мы бы там побеседовали на разные темы. Если Вам этот час *неудобен*, — назначьте любой другой, но известите меня в понедельник пневматичкой⁴. Если же Вам в 4 часа удобно — не отвечайте мне ничего.

Я вас не зову к себе, п. ч. все вечера ближайшие у меня заняты, а днем не хочу заставлять Вас ездить в Boulogne⁵.

Итак, до скорого свидания.

Ваш В. Ходасевич.

P. S. Очередную работу налаживайте, не считаясь с «С<овременными> З<аписками>», п. ч. во 1-х, они могут подождать, а во 2-х, судя по составу книги, много о ней писать не придется⁶.

В. Х.

-
- 1 Нина Николаевна Берберова (1901—1993), третья жена (гражданский брак) Ходасевича. Они вскоре разошлись («26 <апреля> 1932 г.>, втор<ник>. В 5 ч. 10 мин. Н. уехал». — «камерфурьерский журнал»; в записях, касающихся Берберовой, Ходасевич обычно дает отсылки к ней в мужском роде). Письма Ходасевича к ней опубликованы в «Минувшем». (1988. № 5).
  - 2 Вишняк Марк Веняминович (1883—1977) — эсер, секретарь Учредительного собрания и один из редакторов «Современных записок». О нем и Ходасевиче см. мою публикацию «Из переписки В. Ф. Ходасевича (1925—1938)» (Минувшее. 1987. № 3. С. 268—269).
  - 3 Встреча в кафе на rue Royale состоялась: «12 <января>, втор<ник>. В La Royale (Голенищев-Кутузов). В Возр<ождение>. В кафэ (Долинский)» («камерфурьерский журнал»).
  - 4 «Пневматичка», как ее называли многие русские парижане, — пневматическая городская почта в Париже (работала с 1867 г. по 1984 г.). Письма доходили до любого места в столице в течение двух (или меньше) часов.
  - 5 16 октября 1928 г. Ходасевич переехал из центра Парижа в Boulogne-Billancourt (10 bis, rue des 4 Cheminées), где жило много русских. «Два предместья Парижа в юго-западном его углу слились в одно: сначала был Биянкур и была Булонь. Потом стал Булонь-Биянкур, департамент — Сена, тот же, что и Париж, конечно. Слово «Булонь» звучало нарядно: напоминало Булонский лес, намекало на близость к нему. В Булони был стадион, в Булони были скачки. В Биянкуре был автомобильный завод Рено, кладбище, река и грязные, бедные, запущенные кварталы. В Булонь люди переходили из Парижа по широкой зеленой аллее, в Биянкур — по пыльной некрасивой торговой улице. <...> в Биянкуре жили Зайцевы и мы» (Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С. 377.) Ходасевич похоронен на кладбище в Булони-Биянкуре.
  - 6 Голенищев, по-видимому, намеревался написать рецензию на первый выпуск «Современных записок» за 1932 год (№ 48), где было опубликовано и его сти-

хотворение «Пресуществление» («Страстно, горячо...»). Он вышел только к концу января (см.: Возрождение. 1932. 28 января. № 2431). Рецензия Голенищева появилась в «Возрождении» (1932. 4 февраля. № 2438).

2. ХОДАСЕВИЧ — ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

46, av. Victor Hugo
Boulogne s/Seine
V. Hodassevitch.

Дорогой Илья Николаевич,

посылаю Вам несколько прокламаций (ей-Богу — не я их писал!). Они Вам напомнят о разговоре, который мы с Вами вели, когда Вы были в Париже¹. Очень прошу Вас — подсобите! Приложите все усилия, чтобы достать хоть сколько-нибудь подписчиков. Без этого дела я, кажется, просто не сведу концов с концами, ни материально, *ни морально* — ибо нельзя только и делать, что писать скорострельные фельетоны, а для души, т. е. «Пушкина», не смогу писать, если не раздобуду денег. Объясняйте людям, что *эти* деньги целиком идут *мне*, а не издателю — но за то и никакого другого гонорара я не получу. Словом — надеюсь на Ваше красноречие.

Заметьте, что люди любят говорить: «ужó подпишусь». А деньги нужны не ужó, а *сейчас*: без них не могу сесть за работу, а она потребует больше года. Поэтому — либо заставляйте тотчас посылать деньги, либо прямо берите их и *сами* мне посылайте. Посылать можно в изд<ательст>во, либо непосредственно мне, пишучи мою фамилию так, как вверху сего письма указано*.

Пожалуйста, примите все это в душу!

А обо мне ведайте, что все по-прежнему и не очень интересно. Жалею, что нет Вас в Париже: «Перекресток», кажется, хочет воскреснуть и даже несколько оживиться². Вот тут-то Вы бы и нужны в качестве *присутствующего* члена. Да что поделаешь?

Слышал, что книга Ваша вскоре выходит³. Непременно о ней напишу. А Вы черкните мне несколько слов о себе, потому что у Вас жизнь, я думаю, богаче событиями, чем у меня.

Ну — будьте здоровы. Желаю Вам всего хорошего и жму руку.

Ваш В. Ходасевич.

2 января 1935.

* Тотчас по получении денег будут высылаться расписки. Сообщайте адреса подписавшихся.

1 В письме к В. И. Иванову от 3 февраля 1935 г. Голенищев писал: «Теперь о внешнем в моей жизни: в 1932 году осенью я вернулся из Парижа в Далмацию. Весной 1933 поехал опять в Париж и докторировал. (Вам теза моя была послана издательством.) В мае 1934 меня выбрали приват-доцентом одновременно в Белграде и Загребе. Я предпочел Белград, где и нахожусь теперь» (Переписка В. И. Иванова и И. Н. Голенищева-Кутузова//Еуропа Orientalis. 1989. № 8. С. 514; переписка была перепечатана в журнале «Октябрь». 1933. № 3.). Шестнадцать встреч Ходасевича с Голенищевым отмечены в «камерфурьерском журнале» за 1932 г. (последняя 29 июля), и всего одна в 1933 г. (11 марта). Летом 1934 года Голенищеву еще раз удалось побывать в Париже, и он два раза встре-

чался с Ходасевичем: 10 августа («В Дом Книги (Злобин, Мандельштам, Терапиано, — Голенищев-Кутузов). В кафе. В Murat (бридж)») и 12 августа («Голенищев-Кутузов. — Веч. в café des Sports»). Разговор о Пушкине, по всей вероятности, произошел в 1934 г. Имя Голенищева больше не встречается в «камерфурьерском журнале» (после 1934 г. он никогда не возвращался в Париж).

- 2 «Группа “Перекресток”, образовавшаяся в 1928 году, была в ту пору одним из самых активных литературных объединений в Париже. <...> Особенностью “Перекрестка” являлось то, что в нем участвовали поэты, находившиеся в двух различных странах: во Франции и в Сербии — единственный пример такого широкого объединения. Парижскую группу “Перекрестка” составляли: гр. П. Бобринский, Довид Кнут, Ю. Мандельштам, Г. Раевский, В. Смоленский и я. Белградскую: И. Голенищев-Кутузов, А. Дураков, Е. Таубер (переехавшая потом во Францию) и К. Халафов. В. Ходасевич и Н. Берберова, не принадлежа официально к “Перекрестку”, участвовали не только в его литературных выступлениях, перекресточники бывали у Ходасевича, который входил в их поэтические, а порой и личные дела и участвовал не только в литературных беседах “Перекрестка”, но и в некоторых “эскападах”» (*Терапиано Ю.* Перекресточная тетрадь// *Он же.* Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 104—105). Присутствие Ходасевича на вечерах «Перекрестка» часто отмечается в «камерфурьерском журнале», а Голенищева всего раз, 31 октября 1931 г.: «Веч. вечер Перекрестка (З Вейдле, Терапиано, Смоленский, Гол.-Кутузов, Мандельштам, Кнут). С ними в Ротонду».

В недатированном письме к Н. Н. Берберовой Ходасевич писал: «в апреле реформировали «Перекресток», тебя не позвали и даже от нас с тобой это скрывали» (Минувшее. № 5. С. 309; редактор относит письмо к 1936 г., но скорее всего оно от 1935 г.). Тем не менее Ходасевич время от времени бывал на их вечерах и в 1935 г.

Голенищев печатался в обоих сборниках группы (пять стихотворений в № I и шесть в № II, оба за 1930 г.). В рецензии на первый сборник («По поводу “Перекрестка”»//Возрождение. 1930. 10 июля. № 1864) Ходасевич, в частности, писал: «Должен заметить прямо и наперед, что участники «Перекрестка» — ученики, а не сложившиеся поэты. Произведений ценности абсолютной в сборнике нет». Но в том, что они не «отравлены трупным ядом футуризма», он видел надежду на то, что «в дальнейшем для них не только открыты пути к индивидуальному совершенствованию (как для каждого стихотворца), но и в качестве цельной группы они могут положить начало важному и благому движению». О Голенищеве он лишь заметил: «У Голенищева-Кутузова — интересные темы, но стих не разработан, не звучит». Адамович в своей очень отрицательной рецензии на первый сборник группы писал: «Пожертвуйте, господа, вашим классицизмом и строгостью, вашей чистотой, вашим пушкинизмом» (Числа. 1930. № 2/3. С. 240).

- 3 Имеется в виду сборник стихов Голенищева — см. следующее письмо, примеч. № 16. Выход книги был объявлен еще в 1931 г. в «Возрождении» (24 сентября. № 2305): «В скором времени выходит и поступит в продажу книга стихов Ильи Голенищева-Кутузова — «Память», с предисловием Вячеслава Иванова».

К письму приложен текст посланной Ходасевичем «прокламации»:

29 января (ст. ст.) 1937 года исполняется сто лет со дня смерти Пушкина. Между тем, несмотря на огромную литературу, посвященную поэту, на русском языке до сего времени не существует полной его биографии, написанной в соответствии с обширными новыми данными, добытыми наукой за последние три десятилетия и в частности — после революции, когда в различных хранилищах были открыты многочисленные архивные материалы. В связи с предстоящим юбилеем в советской России усиленно готовится выход большого количества трудов по пушкиноведению. Однако, несмотря на близость к первоисточникам, значительно облегчаю-

щую работу, обязательность «марксистского подхода» тяжелым камнем ложится на все там выходящие книги, как бы ни была далека их тема от политики и современности. Биография Пушкина, построенная по канонам диалектического материализма, как бы тщательно ни была разработана ее фактическая сторона, никогда не может стать желанной книгой для русского читателя, давно и тщетно ожидающего, чтобы была, наконец, описана жизнь поэта, которого Тютчев назвал первой любовью России. В настоящих условиях такая книга может появиться только в эмиграции.

Над подобною биографией уже давно работает В. Ф. Ходасевич, много лет изучающий Пушкина, как поэта и человека. Работы В. Ф. Ходасевича по Пушкину и его собственное поэтическое творчество наглядно доказывают, что он не только специалист и знаток в данной области, но и автор, от которого читатели наиболее в праве ожидать проникновенного и художественного раскрытия пушкинского образа. Прекрасная биография Державина, написанная В. Ф. Ходасевичем и встретившая такой горячий прием в зарубежной прессе, при строгой научности обладает основным достоинством всякой биографии — художественностью изложения. Подобно ей, и начатый В. Ф. Ходасевичем труд о Пушкине имеет целью дать в той же художественной форме жизнеописание великого поэта, внутренне связанное с историей его творчества.

Однако тяжелые условия зарубежной литературной жизни в настоящее время таковы, что начатая В. Ф. Ходасевичем работа может быть завершена только в том случае, если заранее будет обеспечена хотя бы некоторая часть ее издания. С этой целью уже теперь должна быть объявлена предварительная подписка на книгу, которая появится в свет в течение 1936 г., в издательстве «Петрополис» — «Дом книги», чье имя и издательский опыт вполне обеспечивают ее с внешней стороны. Подписная цена экземпляра на веленовой бумаге и в переплете — сто франков. Все эти экземпляры будут именные, нумерованные в порядке поступления подписных сумм и надписанные автором.

Гр. В. Н. Коковцев
В. А. Маклаков
И. А. Бунин
Проф. Н. К. Кульман
М. А. Алданов

Вслед за текстом — подписной талон на адрес Maison du livre étranger. «Дом Книги». 9, Rue de l'Érégon, Paris (V). Прокламация была опубликована в «Возрождении» 17 января 1935 г. (№ 3515).

3. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ — ХОДАСЕВИЧУ

Белград, 15/1 1935 г.

Дорогой и глубокоуважаемый
Владислав Фелицианович,

Письмо Ваше — кружным путем, через Дубровник — все же вчера получил. Белградский мой адрес:

Mileševska 27/1
Belgrade
(Yougoslavie)

Декларация (прав русского писателя на существование) за подписью именитых и *мастистых* <так!> мужей должна помочь¹. Подписку проведу «в ударном порядке». Частным лицам едва ли: 100 фр. = 300 динар (но попытаюсь). Зато надеюсь на успех в библиотеках, русских и *сербских*². Пущу в ход Ваше имя, Пушкинский день, нобелеву премию Бунина³, славянофильство, мои университетские связи — глядишь и клюнет. Начинаю действовать с этой же недели.

Книга Ваша будет для меня — праздником, *пиршеством* (равно и для Алексея Петровича Дуракова⁴, по сей день в городе Вранье проживающего). Кстати: Дураков развелся с женой через три месяца после свадьбы из-за — Державина!⁵ Лежа на кровати (под праздничный день) А. П. читал вслух несколько часов подряд «Необычайным я паренем»...⁶ Но супруга его не пожелала облечься терпением и устроила Лебедю сцену. «Мнимый мертвец» вышел из своего пиитического бесчувствия и запустил в свою воющую Плениру академическим томом сочинений Гаврилы Романыча. (Он мне сам рассказывал, и совсем серьезно).

Вы пишете о реставрации «Перекрестка». Я всей душой; тем более, что Ваш покорный слуга ни в какие сделки с «Числами» не вступал, справедливо опасаясь *оцупенения* и мережковщины⁷.

С Е. Л. Таубер⁸, берлинским поэтом и театр<альным> критиком Росимовым (Офросимовым)⁹ и молодым писателем Мих. Иванниковым (см. «Сашку» в последнем № «Совр<еменных> Зап<исок>»)¹⁰ мы основали в Белграде литературное содружество. Провели принципы «Перекрестка» (белградский филиал!). Собираемся два-три раза в месяц под сенью *елового шиша*. В «Литературной Среде» есть и ритуал: на позлащенный еловый шиш (тирс для посвященных) указывают перстом при вторжении оглашенных; председатель собрания вооружен веревочной трехвосткой (Р. Е. Н. — клуб; свобода, равенство и братство etc. etc.). Стихи разбираем как в студии; человеченки не ищем¹¹. Но в отличие от «Перекрестка» — объединили не только поэтов (для Белграда — невозможно), но и представителей других родов оружия. Рекомендую Вашему вниманию комедии графа Всеволода Хомицкого¹² (моих лет), автора 4 пьес из эмигрантской жизни (две шли в Белграде с большим успехом; о нем напишу в «Возрождении» вскоре, т<ак> как сербы перевели одну из его коммедий и собираются ставить в Народном Театре). Два-три поэта из «третьего» поколения совсем грамотны. Их покажу Вам при случае. В содружестве всего 15 человек¹³. Местные литераторы злобствуют и любопытствуют, между ними и некая Госпожа Гаук — одна из пошлейших литературных теток¹⁴, когда-либо бесивших Аполлона (ныне сотрудница «Возрождения», волею рока и попустительством Долинского)¹⁵.

Только что получил письмо от Каплана. Книга моя вышла¹⁶. Вы уже ее, верно, получили. Одна надежда — напишите раньше Адамовича¹⁷.

Мне *по существу* были важны, когда я сдавал книгу в печать, мнения Вячеслава Иванова (он уже высказал свое)¹⁸, Ваше, Андрея Белого (теперь уже невозможно) и Марины Цветаевой¹⁹. Остальное: литературная кухня, и я с ней не знаком, склока, взрывы смутных чувств, разговоры за чайным столом у Мережковских²⁰ — мне глубоко безразлично.

На днях читал (по сербски) лекцию о Белом. О нем пойдет моя статья в ближайшем № «Книжевного Гласника» (белградские «Совр<еменные> Зап<иски>»!)²¹. В университете читаю 3 раза в неделю. Студентов у меня

свыше 100. Приходится много работать. Матерьяльно здесь конечно живется легче, но тянет в Париж, куда, впрочем, еще надеюсь попасть. Сейчас занят печатаньем научных статей (по франц<узски> и по сербски). Так двоюсь — между Минервой и Дионисом.

Искренне преданный Вам и готовый к услугам
Илья Голенищев-Кутузов.

Р. S. Что со стихами Таубер в «Совр<еменных> Записках»? Почему их подмораживает Цетлин?²² Нельзя ли как-нибудь помочь горю? Собираюсь ему послать мои, быть может, смилостивится.

---

1 Присланную Ходасевичем «прокламацию» подписали граф Владимир Николаевич Коковцов (1853—1943), бывший министр финансов России (1904 — янв. 1914 с перерывами) и председатель Совета министров (1911—1914); Василий Алексеевич Маклаков (1869—1957), адвокат, член ЦК партии кадетов, посол Российской Республики в Париже в 1917 г., общественный деятель и мемуарист; Иван Алексеевич Бунин (1870—1953); проф. Николай Карлович Кульман (1871—1940), историк литературы, пушкинист, постоянный сотрудник «Современных записок»; и Марк Александрович Алданов (1889—1957; наст. имя Ландау).

2 О русских библиотеках в Югославии см. кн.: *Маевский Вл.* Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк: Издание Исторического Кружка, 1966. Т. 2. Русские в Югославии. С. 52—57.

3 Бунин посетил Белград в 1937 г. в качестве лауреата Нобелевской премии (получил в 1933 г.) по приглашению русских и сербских культурных организаций.

4 *Дураков А. П.* (1899—1944) — поэт, бывший мичман русского флота, в Югославии занимался воспитанием трудных подростков. В годы второй мировой войны сражался вместе со своим близким другом Голенищевым в одном партизанском отряде народно-освободительной армии Сербии. Он погиб в бою в августе 1944 г., прикрывая отступление своих товарищей. Подробно о нем см. книгу (на сербском языке): *Джурич Остоя.* Руска литерарна Србија, 1920—1941 (Писци, кружоци и издања). Београд, 1900. С. 65—67 (далее сокращенно — *Джурич*).

В рецензии на второй сборник Союза молодых поэтов и писателей в Париже (Скучающие поэты//Возрождение. 1930. 30 января. № 1703) Ходасевич писал: «В унылом мраке молодой эмигрантской поэзии встречаются и просветы. Ирина Кнорринг, Софиев, А. Дураков не дали на сей раз законченных удачных вещей, но в их работе чувствуется известная стихотворная культура, отличающая их от сверстников. Не оригинальны, но хорошо и серьезно сделаны белые стихи И. Голенищева-Кутузова», — а в рецензии «По поводу “Перекрестка”» (Возрождение. 1930. 10 июля. № 1864): «А. Дураков, крайне неровный стихотворец, на сей раз представлен вещами худшими, нежели нам приходилось у него встречать».

5 Ср. письмо Голенищева к В. И. Иванову от 3 декабря 1928 г.: «От Дуракова изредка получаю послания. Собирался он даже навестить меня, но, по всей вероятности, не пустила его невеста. Женится он на гречанке и собирается читать Пиндара в подлиннике. <...> у Акира (прозвище Е. В. Аничкова. — Д. М.), видевшего моего друга и его нареченную, я узнал лишь, к моему великому облегчению, что ее не зовут Ксантипой. <...> <Дураков> Пишет: «<...> Мои учителя да будут Ломоносов, Державин, Пушкин, Боратынский, Тютчев и Вячеслав Иванов». Разве не прелесть Дураков!» (Eupora Orientalis. 1989. № 8. С. 492).

6 Первая строка стихотворения «Лебедь» (1804) Г. Р. Державина. Дальше у Голенищева обыгрывается последняя строфа стихотворения: «Прочь с пышным,

славным погребеньем, / Друзья мои! Хор муз, не пой! / Супруга! оденьте терпением! / Над мнимым мертвецом не вой».

- 7 Художественный журнал «Числа», задуманный Георгием Ивановым в 1929 г. и редактируемый поэтом Николаем Авдеевичем Оцупом (1894—1958), издавался в Париже с 1930 по 1934 г. (вышло десять номеров). Вначале Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865—1941) и Зинаида Николаевна Гиппиус (1869—1945) с подозрением относились к журналу, а затем все же приняли в нем участие и всегда выступали в его защиту. Голенищев-Кутузов всего раз печатался там (статья «Русская культура в Югославии». 1930. № 2/2. С. 293—297). Ходасевич, который с самого начала смотрел скептически на все предприятие, оставался к нему холоден, даже враждебен. Он наотрез отказался печататься в нем и отрицательно рецензировал его выпуски. Уже после закрытия журнала в статье «О задачах молодой литературы» (Возрождение. 1935. 19 декабря. № 3851; обсуждение статьи Ф. А. Степуна «Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы» в десятом выпуске «Нового града», 1935) он писал: «Степун не чувствует или упускает из виду, что сами-то «Числа» вообще безответственны, что никакого действительно существующего течения молодой литературы они не представляют. Этот журнал, возникший благодаря совершенно внешним обстоятельствам (наличность издательских возможностей), с самого начала представлял собою образец чистейшего литературного делячества. С самого начала его редакция заявила, что никаких идей у нее нет, но что она надеется, что там, где есть бумага и типография, идеи заведутся сами собой. Этого не случилось. Чтобы придать своим хлопотам видимость «движения», руководители журнала пустились в литературное интриганство. Отсутствие новых идей пытались они подменить бойким откращиванием от старых. Незнание России составляло лишь часть общей неосведомленности редакции. Это незнание Степун принимает за последовательное, принципиальное отречение от России и русской культуры. В действительности, «Числа» не были представителями и этого течения, как не способны были представлять никакое другое. <...> «Числа» были органом молодежи лишь в том смысле, что для своих стихов и рассказов она там находила пристанище легче, чем, напр., в «Современных Записках». Настоящей идейной связи у нее с «Числами» не было, и за «направление» «Чисел» (поскольку вообще такое направление можно выискать или вообразить) она так же неответственна, как за направление «Современных Записок» или «Воли России», в которых тоже печаталась».
- 8 Таубер Екатерина Леонидовна (1903—1987) — в эмиграции с 1920 г., училась на романском отделении Белградского университета, где она познакомилась с Голенищевым-Кутузовым. Она писала и стихи и прозу, переводила с французского и сербо-хорватского на русский (в 1933 г. «Антология новой югославской лирики», составленная и переведенная ею вместе с Голенищевым и Дураковым, вышла в Белграде). Автор критических статей о русской литературе и рецензий (одна из них на «Память» Голенищева: Журнал Содружества. (Выборг). 1935. № 8. С. 37) и член разных литературных групп, в том числе «Перекресток» и белградские «Гамаюн», «Книжный кружок имени М. Ю. Лермонтова» и «Литературная среда». В 1936 г. переехала во Францию. О ней см.: *Джурич*. С. 75—84.
- 9 Офросимов Юрий Викторович (1894—1967; псевд.: Г. Росимов) — поэт, печатал книги стихов для детей, театральный критик берлинской газеты «Руль». С приходом Гитлера к власти он в 1933 г. переехал из Германии в Югославию. После войны, во время которой он был заключен в немецком рабочем лагере, он поселился в Швейцарии. О нем см.: *Джурич*. С. 99—101 (в главе о «Литературной среде») и некролог в «Новом журнале». 1967. № 89.
- 10 «Сашка» Михаила Дмитриевича Иванникова (1904—1968) появился в «Современных записках». 1935. Кн. 57. С. 80—131. В своей рецензии на этот выпуск журнала (Возрождение. 1935. 4 апреля. № 3592) Ходасевич писал: «Кроме этих романов, в книжке находим лишь одно беллетристическое произведение — рас-

сказ (или, пожалуй, небольшую повесть) М. Иванникова «Сашка». Автор, видимо, принадлежит к числу писателей молодых — во всяком случае, нам его имя встречается впервые. Подобно Л. Зурову, Иванников, несмотря на литературную свою молодость, совершенно чужд каких-либо новых исканий. Его повесть всецело укладывается в рамки той добротной реалистической традиции, которая давно уже неспособна ничем удивить — зато и спасает автора от риска, неизбежно сопряженного со всяким новаторством или экспериментаторством. Если искать прямых учителей Иванникова, то придется назвать Бунина, Куприна. Скорее, впрочем, первого из них, так как Иванников более склоняется к бескрасочной, гравюрной манере Бунина, нежели к стилю Куприна, всегда живописному.

Нельзя сказать, что повесть лишена действия. Напротив, в ней представлен целый ряд событий, которые, однако же, не образуют единого эпизода. Это — ряд последовательных эпизодов, слабо связанных между собой, не вытекающих друг из друга, объединенных лишь хронологической последовательностью. Однако в самой этой разорванности эпизодов удачно отражен колорит и характер эпохи: время действия в «Сашке» относится к концу войны, к революции и к войне гражданской. Главный герой, по имени которого названа повесть, — безусый юноша, почти мальчик, круглый сирота, живущий у своего дяди, которого автор, кажется, напрасно зовет *дядькой*: слово это в применении к родственнику уместно разве лишь в прямой речи, как уничижительное; можно обозвать дядю дядькой, как, скажем, Марию — Манькой. Вообще же, это слово означает не родственника, а слугу, приставленного к барчуку — так сказать, няньку мужского пола.

Повесть посвящена изображению того, как этот мальчик, хороший от природы, постепенно развращается. В отличие от героев бесчисленных советских рассказов, повестей и романов, посвященных той же эпохе, Сашка все время остается весьма далек от сколько-нибудь выдающихся событий. Он не только в них не участвует, но и не приходится ему быть их зрителем. Точно так же нет у Иванникова убийств, расстрелов, налетов, изнасилований, бесчинств. Автор поставил себе более тонкую и трудную задачу — показать, как в разлагающем воздухе военно-революционной поры, не в пылу, а в тылу революции, в ее провинциальных буднях, нравственная личность юного существа распадается единственно в силу своей беспризорности, незащитности. Уже то обстоятельство, что Иванников в постановке и разрешении своей задачи, идет по линии наибольшего, а не наименьшего сопротивления, заставляет к нему отнестись сочувственно и с интересом. В то же время, если в повести нет еще вполне законченного, зрелого мастерства, которого мы и не в праве требовать от начинающего автора, — то все же, надо признать, что она написана тщательно, вдумчиво, умело. В ней нет особого блеска, автор еще не нашел в себе тех черт, которые сильно определяли бы его художественную индивидуальность, но все же его первый шаг в литературе надо признать вполне удачным». Об Иванникове — см.: *Джурич*. С. 123—127 (в главе о «Литературной среде»).

- 11 Иронический намек на спор между Ходасевичем и Адамовичем о молодой русской эмигрантской поэзии, на предпочтение Адамовичем «человеческих документов» в стихах в противоположность «классически» законченным произведениям. Полемика обострилась в 1935 г. в рецензиях Ходасевича и Адамовича на сборник стихов Голенищева. См. примеч. 2 к п. 6.
- 12 Хомицкий Всеволод Вячеславович (1901—1980; псевд.: В. В. Вячеславский) — актер, драматург, его пьесы шли в Белграде, Праге, Париже и других эмигрантских центрах. Его комедия «Крылья Ивана Ивановича» была переведена на сербо-хорватский язык и шла в Белграде. После войны он переехал в Америку, где основал маленький русский «Передвижной театр», в 1964 г. выпустивший в Нью-Йорке его «Пятнадцать одноактных пьес». О нем см.: *Джурич*. С. 101—102.
- 13 Кроме Голенищева-Кутузова, Таубер, Офросимова, Иванникова и Хомицкого в

«Литературную среду», основанную в октябре 1934 г., в разное время входили: Ю. Л. Ракитин, Г. А. Герасимов, Н. М. Февр, К. Ф. Тарановский, Л. А. Девель, А. Н. Неймирок, И. С. Гребенщиков, Н. К. Гриневич, В. Л. Гальской, М. А. Погодин, К. К. Халафов, В. В. Шульгин и Р. В. Плетнев. О них и группе см. главу «Књижевна среда» («Литературная среда») в книге: *Джурич*. С. 90—131.

- 14 Гауг (не «Гаук»!) Екатерина Мироновна (1888—?) — поэтесса, которая в 1936 г. про вечера и выступления «Литературной среды» сказала так: «Комсомольцы заговорили!» (см.: *Джурич*. С. 105). Она время от времени печаталась в «Возрождении». См., например, ее заметку о выставке в Новом Саде, об антирелигиозной деятельности большевиков: Выставка «Про Део»//Возрождение. 1936. 16 апреля. № 3970. В своей заметке «Белград: Интимные вечера Союза журналистов» (Возрождение. 1935. 9 марта. № 3566 Голенищев называет Гауг (и себя) среди выступавших на этих вечерах.

Слово «тетка» у Голенищеве напоминает о том, что он был членом Антропософского Общества (Рудольф Штейнер сам называл так фанатически настроенных женщин — членов Антропософского общества). В своей рецензии на № 48 «Современных записок» (Возрождение. 1932. 4 февраля. № 2438) он писал: «Конечно, мало кто в настоящее время сомневается, что не все в мире доподлинно известно и что в человеческой душе существуют глухие тайны. <...> Знание оккультной литературы стало теперь чуть ли не обязательным для западного критика. <...> Когда Андрей Белый вызывает на поверхность сознания “крылорукх духов” или “солнечных кентавров”, мы не можем, зная творческий и духовный путь Белого, отмахнуться от этих образов, как от болезненной фантазии, безответственной выдумки, ибо критик должен понять, прежде чем что-либо принять или отвергнуть. <...> Женственный облик князя (героя повести “Злая вечность” Георгия Пескова. — Д. М.) напоминает нам “теософских теток”, о которых писал в своих воспоминаниях Андрей Белый, утверждающий, что в мире существует не только Вечно-Женское начало, но и “Вечно-Теткинское». См. также «Rossica»//Возрождение. 1931. 24 декабря. № 2396: «Недавно И. Н. Голенищев-Кутузов прочел доклад в Антропософическом обществе о драмах и лирике Альберта Штефена, известного швейцарского драматурга (и антропософа. — Д. М.), создателя нового мистического театра. В начале февраля в литературном обществе «Перекресток» докладчик повторит сообщение и прочтет в первый раз переводы лирики и драматических отрывков Штефена». 25 февраля 1932 г. его статья «“Гетеанум” и драмы Альберта Штейнера» <так!> была опубликована в «Возрождении» (№ 2459). 1 марта 1933 г. он прочел доклад «Легенда о Граале» на открытом заседании Русского Антропософского общества в Париже (см. объявление о предстоящем докладе в «Возрождении» от 23 февраля 1933. № 2823). См. также его статью «Духовные пути Германии. Христиан Моргенштерн»// Возрождение. 1934. 9 августа № 3354).

- 15 «На этот раз я приглашу читателя заглянуть одним глазом в редакционную жизнь «Возрождения». Надо вам сказать, что секретарь редакции С. Г. Долинский обычно сидит за столом своим, в главной комнате, от входа налево. За спиной у него находится большое зеркало. Рама несколько отстает от стекла, от чего происходит щель, в которую он засовывает письма, поступающие на имя сотрудников. Этот обычай весьма оживляет течение повседневной жизни. У зеркала всегда кто-нибудь возится, ибо для того, чтобы отобрать свою корреспонденцию, каждый должен перебрать корреспонденцию всех. Больше всего писем приходит на имя г-жи Галли, той самой, что отвечает по вторникам на вопросы, касающиеся ухода за красотой». — *Ходасевич В.* Книги и люди. Неблагодарный// Возрождение. 1934. № 3249. (Не путать его с Наумом Владимировичем Долинским!)

- 16 Каплан Михаил Семенович (1894—1979) — владелец парижского магазина «Дом книги» (основан им в 1929 г.), при котором и было издательство. Возможно, что «Каплан» описка. См. письмо Голенищева Вяч. Иванову от 3 февраля

- 1935 г.: «Наконец книга моя вышла. Я уже было потерял надежду. Но писатель предполагает, а издатель располагает. «Память» без малого три года пролежала в наборе. <...> Я не могу Вас благодарить за Ваше царственное предисловие, которого я, право, недостоин. <...> Из-за позднего выхода книги (издательство «Парабола» берлинско-парижское; издатель же Каплун — параболический Каплун!) мне пришлось прибавить с десятков стихотворений Вам неизвестных, написанных позже — простите великодушно!» (Eupora Orientalis. 1989. № 8. С. 513—514). Соломон Гитманович Каплун-Сумский (1891—1940) был заведующим берлинским отделением издательства «Эпоха». После его закрытия в середине двадцатых годов он открыл гораздо более скромное предприятие «Парабола». Он переехал в Париж с приходом Гитлера к власти. Склад издания, однако, был при Доме книги, так что Каплан был не издатель, а распределитель — см.: Возрождение. 22 сентября 1932. № 2669: «В начале октября выходит и поступает в продажу книга И. Голенищева-Кутузова «Память», с предисловием Вячеслава Иванова. Изд. «Парабола» (склад издания «Дом книги»)».
- 17 Адамович Георгий Викторович (1894—1972) — поэт, постоянный критик «Последних новостей» (где он печатал свои «Отклики» под псевдонимом «Сизиф»), сторонник так называемой «парижской ноты» в эмигрантской поэзии. Он много лет вел полемику с Ходасевичем о судьбе литературы в изгнании (см. кн.: *Струве Глеб*. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 220—222. [Второе изд.: Париж, 1984]).
- 18 Голенищев имеет в виду, что Вячеслав Иванов написал предисловие для «Памяти» (оно датировано «Павия, 24 августа 1931 г.»). В своей рецензии на этот сборник (Возрождение. 1935. 28 марта. № 3585) Ходасевич писал: «Сборнику Голенищева-Кутузова предпослано предисловие Вячеслава Иванова: десять страниц прельстительной прозы, тончайшего словесного узора, который рассматриваешь с восхищением, но рассмотрев обнаруживаешь, что как раз о том, о чем следовало, о поэзии Голенищева-Кутузова, не сказано почти ничего существенного. Впрочем, прав Вячеслав Иванов, отмечая, что Голенищев-Кутузов еще не нашел себя».
- 19 Андрей Белый скончался 8 января 1934 г. Если М. И. Цветаева (1892—1941) письменно откликнулась на сборник Голенищева, письмо до сих пор не опубликовано. У нее нет рецензии на сборник.
- 20 Имеются в виду знаменитые «воскресенья» на парижской квартире Мережковских (11-бис улицы Колонель Бонне в Паси). «Каждое воскресенье <...> вплоть до трагической весны 1940 г., за исключением отлучек Мережковских из Парижа, от 4 до 7 часов пополудни у них происходили традиционные собрания писателей. Бывали все представители так называемого «старшего поколения» <...>. Но постоянный кадр «воскресений» составляло «младшее поколение» — поэты и писатели, начавшие литературную работу уже в эмиграции. <...> к постоянным посетителям «воскресений» принадлежали <...> Голенищев-Кутузов <...> и другие. <...> Мережковский занимал на «воскресеньях» председательское место за большим столом, З. Н. Гиппиус — в центре, по правую руку от Мережковского. Чаем и угощением бессменно заведовал В. А. Злобин, секретарь Мережковских» (*Терапиано Ю*. Встречи. С. 43—45).
- 21 «Српски Књижевни гласник». 1935. 1 марта. Нова серија XLIV, бр. 6. С. 379—388: Фрагмент из «Петербурга» в переводе Голенищева (всего две страницы) и его послесловие.
- 22 Стихи Таубер впервые появились в «Современных записках» в 1932 г. (стихотворение в кн. № 48), а затем в 1938 г. (стихотворение в кн. № 67). Одно стихотворение Голенищева («Как пережить мне смерть мою в тебе?») было, однако, опубликовано в кн. № 59 за 1935 г. М. О. Цетлин (1882—1945) фактически был «поэтическим редактором» журнала. Он печатал свои вполне второстепенные стихи под псевдонимом «Амари».

4. ХОДАСЕВИЧ — ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Дорогой Илья Николаевич,

поздравляю Вас с книжкой, которая, наконец, вышла. Получил я ее дней десять тому назад, но еще не читал — только перелистал. Это потому, что готовил доклад о Блоке и его матери — на 26 января. Вдруг оказалось, что зала снята не на 26 янв<аря>, а на 2 февр<аля>¹. Пришлось отложить Блока и готовить очередной фельетон для «Возр<о—|ения>» на 31 янв<аря>, чтобы не очутиться без гроша. Этот фельетон надо было писать спешно и не размышляя — следственно не о Вас и вообще не о стихах². Вчера я его кончил и опять засел за Блока. К субботе, 2 февр<аля>, я его кончу, но воскресенье и понедельник уйдут на проклятого Гулливера³ и на отдых. Следовательно, на четверг 6 февр<аля> надо давать в «Возр<ождение>» что-нибудь уже готовое, то есть о Блоке. Но о Блоке выйдет не один, а два фельетона, которые придется печатать 6-го и 13-го⁴. Таким образом, к самому искреннему моему огорчению, о Вас я могу написать только на 20 или 27 февраля (если 20-го не успею). Пишу все это так подробно для того, чтобы Вы видели, что я не не хочу, а не могу исполнить Ваше желание и написать о Вас так, чтобы это вышло наверное раньше Адамовича. Впрочем, надеюсь, что и он раньше не напишет, ибо последний его фельетон был как раз о стихах⁵, а в «Последних Новостях» много и подряд писать о стихах не полагается. Кроме того — не совсем понимаю, зачем Вам надо, чтобы я писал раньше Адамовича? По-моему, даже лучше, чтобы за мной осталось «последнее» слово. Примите во внимание, что Вы — сотрудник «Возрождения», участник «Перекрестка», обитатель Белграда: вот сколько на Вас грехов. Вряд ли Адамович найдет в себе мужество перешагнуть через них перед лицом П. Н. Милюкова⁶. Да и на Шаршуна Вы не похожи⁷. Поэтому он, вероятно, сделает кислую мину и будет вежливо браниться. А затем мы постараемся его брань зачеркнуть. — Но, повторяю, я думаю, что моя статья все-таки будет раньше.

Подписка на «Пушкина» идет прилично, но — увы — я получу деньги только тогда, когда они накопятся: до тех пор — им лежать у Каплана, а мне страдать. «Пиршество» Ваше будет не слишком пиршественно: надо бы написать тысячу страниц, а мне отпущено 300—350. Теснота скажется на качестве неизбежно. Однако, Вы не смущайтесь и добывайте мне подписчиков изо всех сил — очень нужны. Сколько ни добудете — все хорошо и за все спасибо!

Передайте Дуракову, что нет лучшего способа разводиться, как швыряясь академическим Державиным. Надеюсь, дело идет о большом, иллюстрированном издании — удешевленное не так веско. Если он женится еще раз, то пусть действует не вторым, а восьмым томом — это чудесная вещь⁸, от которой ни одна жена скоро не оправится. Засим — передайте лебедю мой привет, и поздравление, и искренне пожелание с небес раздаться в голосах⁹.

Будьте здоровы и благополучны.

Ваш В. Ходасевич.

27 янв<аря> 935.

46, av. Victor Hugo
Boulogne s/Seine

- 1 См. «камерфурьерский журнал»: «2 <февраля 1935 г.>, суб<бота>. Вечер о Блоке (*Гринберги, Рубинштейны, Цветаева, Смоленские, Мандельштам, Яновский, Нина, Макеев, Зюзя, Алданов, Ася, Алферов, Федотов, Вейде, Каплун, Шаховская...*). С подчеркнутыми в *Mugat* (Фельзен, Милочка, Антонини, Бахрах, Алданова)».
- 2 Очередной фельетон Ходасевича в серии «Книги и люди» (*Возрождение*. 1935. 31 января. № 3529) был посвящен разбору двух книг: «Знаменитые русские мasons» Т. А. Бакуниной (Париж: Кн-во «Свеча», 1935) и указатель Владимира Владимировича Бучика (у Ходасевича «Бутчик»; по-французски — «Boutchik») «*Bibliographie des oeuvres littéraires russes traduites en français*» (Paris, 1935).
- 3 Ходасевич вместе с Н. Н. Берберовой за подписью «Гулливер» вел хронику советской литературы и советского литературоведения под названием «Литературная летопись» в «*Возрождении*».
- 4 Статья «Блок и его мать»//*Возрождение*. 1935. 7 февраля. № 3536 и 9 февраля. № 3538.
- 5 Имеется в виду рецензия Адамовича в «*Последних новостях*» за 24 января 1935, № 5054, на «*Новь*» (Таллин), № 7, и на сборники стихов Р. Н. Блох «*Тишина*» и А. С. Головиной «*Лебединая карусель*».
- 6 В это время Павел Николаевич Милюков (1859—1943) был редактором «*Последних новостей*».
- 7 Шаршун Сергей Иванович (1888—1975) — живописец, график, прозаик и поэт, постоянный сотрудник «*Чисел*». «Георгий Адамович <...> в своих отзывах о содержании «*Чисел*» и других журналов всегда очень сочувственно говорил о произведениях С. Шаршуна, отмечая его своеобразие, серьезность, его манеру вести повествование так, как это не было принято в то время в молодой литературе» (*Терапиано Ю. Сергей Шаршун//Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924—1974)*. Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 306). В своей, в общем, отрицательной рецензии на второй роман Шаршуна («*Путь правый*») Адамович все-таки писал: «Но <...> Шаршун был признан стоящим как бы вне конкурса — и во всяком случае особняком — среди писателей, появившихся в эмиграции: не столько по размерам таланта, о которых судить было трудно, сколько по страстному напряжению и какой-то беззащитной чистоте его, по глубокой непосредственности восприятия и соединению мудрости с наивностью. Больше же всего, пожалуй, — по отсутствию всяких сделок с художественной совестью, по творческой несговорчивости и чудесному возвращению понятия искусства к его первоначальному целомудрию» (*Последние новости*. 1934. 10 мая. № 4795). Ходасевич, в свою очередь, в рецензии на этот роман, выпущенный издательством «*Числа*» на гектографе в количестве ста экземпляров, писал: «В романе имеются некоторые отдельные мысли, случайно брошенные, но неразвитые; имеются меткие, но столь же случайные и столь же неразработанные наблюдения. Однако, автор не представляется даровитым беллетристом. <...> у Шаршуна, кажется, нет понимания того, что такое последовательная художественная работа. Мне представляется он дилетантом» (*Возрождение*. 1934. 26 апреля. № 3249).
- 8 Имеются в виду: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями. Грота. Т. I—IX. СПб.: Издание императорской Академии наук, 1864—1883, и второе издание, без рисунков. Т. I—VII. СПб., 1868—1878. Второй том полного издания («*Стихотворения*», часть II. СПб., 1865; «*Лебедь*» находится на с. 498—502) имеет 736 страниц, а восьмой том («*Биография поэта*». СПб., 1880) — 1043 страниц.
- 9 Ср. четвертую строфу стихотворения «*Лебедь*» Державина: «Не заключит меня гробница, / Среди звезд не превращусь я в прах; / Но, будто некая цевница, / С небес раздамся в голосах».

5. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ — ХОДАСЕВИЧУ

Белград 19/11 1935

Глубокоуважаемый и дорогой
Владислав Фелицианович,

Сегодня выслал Вам (на Ваш адрес) 100 фр. через Пражский Кредит-
<ный> Банк (Белградское отделение) по разрешению на высылку валюты
А. И. Ксюнина, председателя Русского Союза Журналистов и Писателей
в Югославии¹. Союз Журналистов *вынес также постановление* о приобре-
тении Вашей книги, но деньги будут Вам высланы тем же путем лишь в
начале марта (я говорил с казначеем). Ксюнин также собирается подпи-
саться в марте. Деньги, которые посылаю, — от библиотеки «Русского До-
ма»². Очень прошу Вас выслать мне расписку на имя «.....» (так в
оригинале. — Д. М.). Обещали мне устроить еще два экземпляра в серб-
ские библиотеки. Пока идут переговоры. *Куда следует направлять следу-
ющие взносы: Вам или «Дому Книги»?*

Послал я недели две тому назад фельетон в «Возрождение» о «Св. Сав-
ве Сербском» — да на старый адрес³. Дошел ли? Или его морозит Долин-
ский. Будьте добры, наведите справку.

«Литер<атурная> Среда» в Белграде совсем удалась. Хочу послать стихи
здешних молодых поэтов (есть очень одаренные) Цетлину. Чем белград-
ские хуже рижских и ревельских? Подбираюсь тихой сапой к издательст-
ву «Русского Дома». Пусть дадут денег на литературу, а не на Днепроро-
щина⁴.

Пока не пишу Вам больше, т. к. плохо себя чувствую — не то грипп, не
то хандра с мигренью.

Сердечно и душевно Вам преданный
Илья Голенищев-Кутузов.

---

1 Ксюнин Алексей Иванович (1882—1938) — бывший нововременец, сотрудник
белградского «Нового времени», инициатор организации Союза русских писа-
телей и журналистов в Югославии, который просуществовал с 1 октября 1925 г.
до 1940 г. В 1935 г. проф. А. Л. Погодин сменил его в качестве председателя.
Ксюнин покончил жизнь самоубийством (застрелился). О нем и о союзе см.:
Джурич. С. 144—160.

2 Русская Публичная библиотека, вторая русская зарубежная библиотека по ко-
личеству книг после Тургеневской в Париже, в то время находилась в Русском
Доме имени Императора Николая II в Белграде (сам Дом открылся 9 апреля
1933 г., а библиотека была организована в начале двадцатых годов). Директо-
ром Русского Дома был Вячеслав Викторович Хомицкий, отец драматурга.

3 О фельетоне см. примеч. 1 к п. 6. Редакция «Возрождения» располагалась на 2,
rue de Sèze до начала 1935 г.; затем она переехала на 73, Avenue des Champs-Élysées.
См. объявление о перемене адреса «в скором времени» в № 3516 газеты от 18 ян-
варя 1935 г. Первый номер газеты с новым адресом вышел 1 февраля, № 3530.

4 О чем здесь идет речь, установить не удалось.

6. ХОДАСЕВИЧ — ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

46, av. Victor Hugo
Boulogne (Seine)

Дорогой Илья Николаевич,

дня три тому назад получил Ваше письмо, а сегодня — сто франков. Очень благодарю Вас и очень прошу продолжать полезную деятельность: деньги нужны чрезвычайно. Подписка идет прилично, но не воображайте, что номер прилагаемой квитанции соответствует числу полученных подписок: просто талонная книжка разделена между «Домом Книги» и мной, а нумерация — общая. Кстати — на прилагаемой квитанции я не проставил, от кого получено, потому что Вы в своем письме написали, что просите выслать расписку на имя «.....» — а на чье имя — вставить забыли. Пожалуйста, титул подписчика («Русского Дома»?) впишите сами.

Дальнейших присылов — у с распростертыми объятиями. Посылайте, как и в этот раз, на мое имя, не забывая писать его: V. Hodassevitch. Так удобнее, ибо банк от меня в двух шагах, а «Дом Книги» у черта на куличках.

Ваша статья преблагополучно прибыла в редакцию, и Долинский мне обещал вскоре ее напечатать, хотя и не в четверг, ибо он божится, что тема — не литературная¹.

О Вашей книжке (вместе с Раисой Блох и Аллой Головиной) будет моя статья в ближайший четверг, т. е. 7 марта. Главная моя цель — отделить Вас и двух упомянутых дам от парижского стихоболота².

Единственная поэтическая новость: вчера утром, в агентстве Кука, Буров дал две пощечины Георгию Иванову, о чем немедленно послал письмо в редакцию «Посл<едних> Новостей». Сообщаю потому, что письмо, надо думать, не будет напечатано³. Засим — будьте здоровы, еще раз спасибо.

Любящий Вас

В. Ходасевич.

27 февр<аля> 1935.

1 Фельетон «Святой Савва Сербский. 1235—1935» был напечатан в субботу, 2 марта 1935: Возрождение. № 3559.

2 Рецензия на три сборника стихов («Тишина» Раисы Блох, «Лебединая карусель» Аллы Головиной и «Память» Голенищева-Кутузова) появилась не 7, а 28 марта 1935 г. («Новые стихи»//Возрождение. № 3585). Там Ходасевич, в частности, писал: «все трое, конечно, «провинциалы» (Голенищев-Кутузов и Алла Головина и в буквальном смысле не принадлежат к парижанам). Это значит, что все трое, слава Богу, далеки и парижского трафарета. В их поэзии поэзия не подменена незанимательной автобиографией. И эти трое — отнюдь не весельчаки, но у них достаточно поэтического и человеческого (да, и человеческого) самолюбия, чтобы не пытаться выдавать за искусство всего только жалобы на житейские свои неприятности. Как у всех лириков, в основе их творчества лежит личное переживание, но у них оно творчески переработано, преображено, сделано материалом искусства, а не способом для снискания сочувствия или сожаления. Именно поэтому их поэзия, пусть еще отчасти неопытная, из кустарщины монпарнасского захолустья выводит их в ту истинно столичную область, которая зовется художеством. <...> От огромного большинства современных мо-

лодых авторов отличается он <Голенищев>, однако, тем, что поиски эти ведет в литературе, в истории, в философии. Это — существенный его признак, роднящий его со многими символистами, в некотором смысле даже со всеми. Книга его недаром названа «Памятью» — она органически связана с той противоречивой и сложной, во многом порочной, но в основах своих драгоценной культурой, внутренний кризис которой с 1914 г. принял оттенок катастрофический, в России особенно, — не потому ли, что предвоенная Россия была самою европейской из европейских стран? Тут, возле этого пункта, хотя и не в нем самом, таится для Голенищева-Кутузова некоторая опасность. Не то опасно, что его поэзия тематически и эмоционально близка старой, преимущественно символистской поэзии (и в частности поэзии Вяч. Иванова, хоть сам Вяч. Иванов это и отрицает): эта близость — преемственного, а не эпигонского порядка. Старая тематика Голенищевым-Кутузовым переживается глубоко, лично, следственно — в его переживании обновляется, живет сызнова. Опаснее то, что верность отцовской тематике у Голенищева-Кутузова еще соединяется с близостью к отцовской же поэтике, то есть заключает в себе некоторое тормозящее начало. Я говорю «еще», потому что надеюсь на постепенное освобождение молодого поэта от символистской поэтики. На это позволяет надеяться вторая часть книги, в которой символистское наследие уже отчасти переработано. В этой второй части Голенищев как будто уже проще, строже, суше, скупее на слово, чем символисты и чем он сам в первой части. В его книге уже сейчас есть хорошие отрывки и хорошие пьесы («О как обширен мир», «Заветная песнь», «Офорт» и в особенности «Меланхолия»), но хочется дождаться того времени, когда весь нынешний сборник станет для него как бы гаммами, разыгранными в поэтическом младенчестве. Плохо дело поэта, у которого не было этих гамм. Главная беда огромного большинства парижской молодежи в том, что они не хотели и не хотят учиться. <...> Для поэзии Голенищева-Кутузова характерна мысль, для Головиной — зрение, для Блох — чувство».

- 3 Буров Александр (наст. имя — Александр Павлович Бурд-Восходов (1876—1957) — прозаик, печатался в «Числах». 20 марта 1935 г. «господин Амадис» поместил заметку под названием «Мимоходом» в «Возрождении» (№ 3577): «<...> Недавно, между неким меценатом, мнящим себя и литератором, и неким русским поэтом произошел бурный инцидент. Меценат, мнящий себя литератором, пришел в восторг от им содеянного и решил оповестить об этом весь русский литературный Париж, а заодно доказать, раз навсегда, как он здорово и ярко умеет писать. И вот, на ротаторе отпечатано послание в две страницы и разослано русским парижским литератором. Заголовок: «Всем, всем, всем». И под заголовком помечено «Циркулярно — и не секретно». Приводим из этого послания некоторые особо примечательные выдержки, упуская однако собственные имена, дабы не делать обоим «героям» вполне излишний реклам. “25 февраля с. г. в 11 ч. 55 м. утра, в отличном зале бюро путешествий «Кука», один господин, именующий себя поэтом... за неоднократно проявленное им трусливо-провокационное озорство (за спиной, мол, безопасно) и — за грубый тон в этот самый вышеобозначенный день и час, получил от меня, волею Божией, в присутствии живых еще свидетелей, два раза, слева направо, и справа налево, два внушительных удара по лицу, от чего и шляпа его, как-то боком и так жалостливо, покатила по полу. <...> Дама одна похитила его несчастного и потащила вон из залы на улицу. <...> Не получая «вызова», я лишь 1 марта отправился в дорогу. <...> Каково же было мое удивление и превеселое настроение, когда я сегодня, 12 марта случайно узнал, что этот ... рассказывает своим друзьям, что «и посчитался же я с ним»... О, диво дивное, о, чудо чудное!.. Бог с ним. <...> Жалкий трусишка».

22 марта 1935 г. Георгий Иванов ответил на заметку письмом в «Последних новостях» (№ 5111), где среди прочего писал: «Ввиду появления в № 3577 газеты «Возрождение» заметки г-на Амадиса об инциденте между «мнящим себя литератором меценатом» и «неким русским поэтом», считаю себя вынужденным

раскрыть имена и пояснить обстоятельства дела. 25 февраля между мной и г. Буровым, действительно, произошло столкновение. Обстоятельства последнего были, однако, таковы, что оснований считать себя оскорбленной стороной я отнюдь не имел. Три дня спустя до сведения моего дошло, что г. Буров рассылает различным лицам листки, где изображает происшедшее в извращенном и оскорбительном для меня виде. Осведомившись об этом, я немедленно обратился к капитану Е. Е. Александрову и поручику Д. К. Моэну с просьбой быть моими секундантами и передать г. Бурову мой вызов. Кап. Александров и пор. Моэн, как видно из находящегося в распоряжении редакции документа, приступили к исполнению моего поручения 1 марта. Однако, несмотря на частые посещения квартиры г. Букова и неоднократные телефонные звонки к нему, секундантам моим в течение 17 дней никак не удавалось застать г. Букова дома. Только 18-го, проявив крайнюю настойчивость, им удалось, наконец, передать мой вызов, от принятия которого г. Буров категорически отказался». «Господин Амадис» ответил на письмо Иванова в «Возрождении» 24 марта, № 3581, где он назвал Букова и Иванова по имени.

В. С. Яновский пишет об этом инциденте в своих воспоминаниях: «В связи со скандалом Иванов-Буров я был вовлечен в грязную склоку. Я тогда встречал Букова и знал, где он по утрам гуляет в одиночестве. Когда последний в ответ на требования денег разослал всем циркулярное письмо касательно коммерческих операций Г. Иванова, Георгий Владимирович решил встретиться с ним и наградить его оплеухой. Но я отказался выдать доверенный мне секрет, то есть место его ежедневных прогулок» (*Яновский В. С. Поля елисейские. Книга памяти. Нью-Йорк, 1983. С. 129; 2-е изд.: СПб., 1993*); «Буров, тоже писатель-спекулянт — графоман, прославившийся своим «спором» с Ивановым» (Там же. С. 243).

7. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ — ХОДАСЕВИЧУ

Белград.

3/VIII 1935

Глубокоуважаемый и дорогой
Владислав Фелицианович,

После многомесячных увещеваний, конференций, риторических угроз и даже переписки из двух углов¹, мне удалось вытянуть 100 фр. из Союза Писателей при содействии Ю. П. Ракитина (быв<шего> режиссера Александринского театра) — одного из немногих культурных русских людей в Белграде².

Куда посылать деньги? Вам или «Дому Книги»? Жду инструкций.

Надеюсь в течение ближайших месяцев — здесь все делается не спеша, таковы климат и нравы — достать еще две-три подписки, от сербов. Обхаживаю их уже с весны.

Чешутся у меня руки ударить по всей монпарнасской братии. Статья предполагается даже не о «кризисе поэзии»³, о кризисе критики — старая болезнь отечественной словесности; от Белинского к Писареву, от Виссариона и Писарева к Антону Антоновичу Крайнему (он же на Онуфриев день роди Адамовича)⁴: —

Белинский, яростный попович!
О Писарев, ночной упырь!
О скучный Пыпин и Спасович!
Вас затемняет Адамович,
Литературный нетопырь.

«В то время как русский роман и русская поэзия удивляли и удивляют Европу, критика наша тащится в хвосте европейской образованности»...

писал я когда-то в «Возрождении»⁵. Этого (да и многое другое) мне не простили. Вам пришлось — в значительной степени из-за меня — сразиться недавно с Адамовичем⁶. За ограждение и защиту я Вам глубоко признателен. Дело тут вовсе не в «дружбе» и не в «одолжении», а в некоем идейном единстве, *что всего ценнее*.

От времени до времени необходимо бывает сказать — А не врешь ли ты, батюшка!

К сожалению, немногие наши культурные и европейски образованные критики — как В. В. Вейдле и проф. Бицилли⁷ — о современной литературе пишут редко. На поверхности — случайные рецензенты — Добчинские и Бобчинские, которым важно лишь чтобы о^б их существовании знало «высшее начальство».

Я иду еще дальше чем Вы. При случае скажу, что или Адамович и К^о правы, или Вы (и все кто остались в кругу настроений «Перекрестка»). Кто-то искусства и поэзии не понимает. Цетлин пробует всех примирить. Это благородно, но вряд ли возможно. «На поприще ума нельзя нам отступать» — вот эпиграф к предполагаемой статье. Непримируемой. Всех кто не в силах сказать: «Ей отче Аполлоне!» нужно предать анафеме!

Побывав в различных эмигрантских «провинциях», я пришел к заключению, что за последние 5 лет многое переменилось. Появились поэты и писатели «третьего поколения», которым «монпарнасская идеология» также чужда, как сказки о царе Горохе или прения Вольфилы⁸. Они учатся у Пушкина, Боратынского, Гумилева (мужеству). Знают наизусть Ваши стихи —

Люблю из рода в род мне данный
Мой человеческий язык...⁹

Они пойдут за Вами, за мною, за «Перекрестком», а не за Монпарнасом. Они-то и есть *эмигрантская литература*, чья миссия — сохранить *лирику* в поэзии и *духовную независимость* в общественной и культурной жизни, т. е. музыку сердца и свободу разума. Дело не в «приятии» или «неприятии» мира, не в «оптимизме» или «пессимизме» (какое упрощительство!), а в необходимости из всероссийской, всеевропейской ночи¹⁰ выйти на пути очищения и жертвенного искупления, в необходимости восстановить храм Муз, где радость и страдание — одно.

Вот Вам — мое *credo*.

Если Вы полагаете что такую еретическую статью редакция «Возрождения» пропустит, очень прошу Вас написать мне.

В сентябре «Литературная Среда», — где, кроме меня, участвуют Таубер (она Вам сердечно благодарна за Вашу статью)¹¹, Дураков, писатель Иванников и несколько совсем молодых поэтов, — выпускает сборник стихов. Предполагаем также издать к весне мою вторую книгу («Огонь над водами», уже готова к печати)¹², вторую книгу Таубер («Касандра»)¹³, книгу Дуракова и молодого поэта Владимира Гальского¹⁴.

В Белграде недавно образовался Пушкинский Комитет. Меня также позвали. Собираемся издать (вероятно по-сербски) сборник «Пушкин и Югославия». Посылаем предложение центральному комитету (кто там сидит?) издать совместно еще два сборника: «Пушкин и Европа», «Пушкин и Славяне»¹⁵.

Жду Вашего ответа.

Сердечно Вам преданный и готовый к услугам, Ваш

Илья Голенищев-Кутузов.

Адрес мой:

1) до 1-го ноября:

Istarska br. 30

Topčider

Belgrade

Yougoslavie

2) постоянный (кроме лета):

(ибо летом служителя ловят рыбу на Дунае)

Dr. I. G. Kutuzov

docent Universiteta

Francuski Seminar

Filosofski fakultet

Universitet

Belgrade

Yougoslavie

Р. С. Послал М. О. Цетлину для «С<овременных> З<аписок>» стихи (мои и Е. Л. Таубер). Очень прошу Вас, при случае, пригрозить Цетлину гневом Аполлона, если он их заложит под редакторское сукно!

---

1 Намек на переписку между М. О. Гершензоном и В. И. Ивановым, изданную под заглавием «Переписка из двух углов» отдельной книжкой в 1921 г. (Петербург: Алконост. С В. И. Ивановым Голенищев дружил с 1927 г.

2 Ракитин (наст. фам.: Ионин) Юрий Львович (1882—1952) — актер, режиссер; работал с Мейерхольдом в Товариществе новой драмы, Театре-студии, Александринском театре. После своего приезда в Югославию в 1920 г. он был тесно связан с Театром русской драмы (Русской драматической студией), в котором играла видную роль и его жена, актриса Юлия Валентиновна Ракитина (ур. Шацкая, 1892—1977). Он был одним из основателей Союза русских писателей и журналистов в Югославии (1 октября 1925 г.), в помещении которого происходили постановки и концерты Театра. Член «Литературной среды», автор статей о театре, музыке, литературе, психологии, педагогике, воспоминаний о Блоке и Гумилеве. Похоронен в Новом Саду. О нем см.: *Джурич*. С. 39—42, 98—99 и 144—146.

В своей статье «Русская культура в Югославии» Голенищев писал: «Лучшим режиссером Народного Театра в Белграде является, бесспорно, Ю. Л. Ракитин, ученик Станиславского. Под его руководством были поставлены пьесы Толстого, Чехова, Гоголя и Островского» (Числа. 1930. № 2/3. С. 296).

3 Намек на статью Ходасевича «Кризис поэзии» (Возрождение. 1934. 12 апреля. № 3235).

4 Антон Крайний — так (никогда «Антон Антонович», имя городничего в «Ревизоре» Гоголя) подписывала свои критические статьи и рецензии З. Н. Гиппиус. Ср.: «Ревизор», действие четвертое, явление X: «Х л е с т а к о в . Неужели? Ах, какой же он мошенник! К у п ц ы . Ей-Богу! такого никто не запомнит городничего. Так все и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. <...>Именины его бывают на Антона, и уж кажись всего нанесешь, ни в чем не нуждается. Нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несешь».

См. также и письмо Голенищева к В. И. Иванову от 11 июля 1937 г.: «я не обращаю внимание на парижских декадентских Писаревых вроде Адамовича» (Europa Orientalis. 1989. № 8. С. 523). В своих «Литературных размышлениях» (Числа. 1930. № 1. С. 144) Гиппиус/Крайний писала: «Критики у нас нет. И,

может быть, это хорошо. Сами критики не хотят критики. И, может быть, они правы. Не будем вдаваться в объяснения, почему и отчего. Слишком сложно и длинно. Лучше просто примем это, как факт».

- 5 Тщательный просмотр полного комплекта «Возрождения» с 1929 по 1936 г. подобной цитаты не обнаружил.
- 6 Как и боялся Голенищев, Адамович успел дать рецензию на «Память» раньше Ходасевича. В своих «Литературных заметках» (Последние новости. 1935. 14 марта. № 5103) он писал, однако, главным образом, о предисловии Вяч. Иванова («Не желая обидеть молодого поэта Илью Голенищева-Кутузова, приходится все же признать, что в изданном им сборнике стихов «Память», центр тяжести лежит не в самых стихах, а в предисловии Вячеслава Иванова. Однако, странное впечатление производит оно, это предисловие»). В том, что он писал о самих стихах Голенищева, Адамович как бы подчеркивал свое предпочтение «человечности» перед «литературностью»: «Насчет самых стихов, к которым предпослано предисловие, споров, вероятно, не возникнет, и слова о «сильных созданиях художника, по своему складу, взыскательного и строгого», останутся, так сказать, особым мнением Вячеслава Иванова. <...> рекомендация, данная стихам Голенищева, конечно, им не вредит, а, наоборот, их возвышает... Вредят они, к сожалению, сами себе, и вредят непоправимо. Стихи очень гладкие, по-своему даже искусные, с налетом какого-то «шика», — но совершенно мертвые. В них виден усердный и опытный читатель чужих книг, большею частью очень хороших книг, — но отсутствует поэт. И та нарочитая культурность образов и тем, которой Голенищев как будто щеголяет, лишь наводит на досадные догадки, что за громкими именами, за мифологическими видениями и всяческой риторикой, ему, в сущности, нечего сказать, — и оттого он за все это так держится, что один на один с жизнью, без пелен и оболыщений, творчески-беспомощен».

Ходасевич ответил на это не только в своем разборе книги Голенищева (см. примеч. 2 к п. 6), но и в «преамбуле» ко всей статье «Новые стихи» в «Возрождении»: «Среди них <одной группы молодых парижских поэтов> царит совершенно ложная мысль о том, что в поэзии труд убивает внутреннюю ценность. Они стараются в себе культивировать чувство в ущерб поэтической культуре, — что, конечно, столь же пагубно, как и действие обратное. Свое заблуждение они именуют любовью к «человечности», а не к «литературности в поэзии». Таким образом получается, что их душевное изнеможение, их душевный распад превращается в распад литературный. Они стремятся выказать пренебрежение к литературной стороне поэзии, как бы нарочно стараясь неудачную жизнь выразить в неудачных стихах. Но именно поэтому их страдания не доходят до читателя. Это пагубное направление в них отчасти поддерживается извне. Я имею в виду талантливые, но опасные статьи Г. В. Адамовича. <...> Говоря о необходимости литературного развития, я под ним подразумеваю далеко не только приобретение специальных знаний, навыков, опыта. Я имею в виду и опыт душевный, весьма «человечный». Из молодых поэтов наших действительно ничего не выйдет, пока они не поймут, что никакое творчество, даже посвященное изображению предельного отчаяния, — с предельным отчаянием не совместимо. Поэт, не обретающий душевной опоры в самом творчестве, в какие бы тона отчаяния оно ни было окрашено, — никогда ничего замечательного не создаст. Обратное: возможность создать нечто из самого своего отчаяния, из распада своего — уже есть гарантия против того последнего отчаяния и распада, при котором, конечно, естественнее всего ничего не писать» (Возрождение. 28 марта 1935. № 3585).

Адамович ответил Ходасевичу 4 апреля в статье «Жизнь и «жизнь»» (Последние новости. № 5124), где он, в частности, писал: «Разбирая конкретные образцы, он <Ходасевич> хвалит именно средне-хорошие, средне-гладкие стихи, не обращая внимания на их удручающую пустоту. <...> Я перечитываю стихи, «пьесы», которые Ходасевичу нравятся, например, стихи Голенищева-Кутузова, торжественные, многоречивые, со «вступлением, изложением и заключением», как

в школьных сочинениях; перечитываю затем стихи, которые ему явно нравятся не могут, например, стихи Лидии Червинской, растерянные, беспомощные, почти немые, обрывающиеся на каждом слове, в каждой интонации надломанные, — и с самым искренним беспристрастием, с единственным желанием понять, проникнуть, не ошибиться, утверждаю: в искалеченных строчках Червинской творчества больше. Или, точнее: у нее есть хоть какой-то смутный, слабый проблеск творчества, есть обещание, есть предчувствие, его в конце концов, может быть, только отчаяние от сознания его недоступности, а в грубых, самоуверенных подделках Голенищева нет его и следа. <...> «Человечность», — иронически говорит он. Да, что же делать, человечность. Пока — только это. Конечно, из одной человечности искусства не сделаешь, получают только «человеческие документы», но когда-нибудь, в соединении с иными элементами, искусство из нее может быть создано, — и даже теперь в интересах самой поэзии, она все-таки ценнее, чем преуспевающее творчество «как ни в чем ни бывало», слепое, глухое, беззаботное, ничего не видящее, ничего не знающее, ничего не понимающее». Ходасевич, в свою очередь, ответил Адамовичу в статье «Жалость и “жалость”» (Возрождение. 1935. 11 апреля. № 3599).

- 7 Вейдле Владимир Васильевич (1895—1979) — критик, историк искусства, философ культуры, близкий друг Ходасевича. Бицилли Петр Михайлович (1879—1953) — профессор Новороссийского университета, затем профессор университета в Скопье, потом в Софии. Постоянный сотрудник «Современных записок», где он писал на литературно-исторические темы, критические обзоры и рецензии (довольно часто о современной западной литературе).
- 8 Вольная философская ассоциация, сокращенно Вольфила — работала в Петрограде с 1919 по 1924 г. О ней см. статью Андрея Белого в «Новой русской книге» (Берлин). 1922. № 1, и статью Я. В. Леонтьева «Р. В. Иванов-Разумник о Петроградской Вольфиле 1921—1923 гг.» в «Вопросах философии». 1993. № 12.
- 9 Строки 16—17 стихотворения Ходасевича «Жив Бог! Умен, а не заумен» (1923), направленного против футуристов и их теории слова.
- 10 Намек на название пятой книги стихов Ходасевича («Европейская ночь»), вышедшей в 1927 г. в составе его «Стихотворений».
- 11 Ходасевич рецензировал сборник стихов Таубер «Одиночество» (Берлин, издательство «Парабола», 1935) в статье «Новые стихи» (Возрождение. 1935. 25 июля. № 3704), где он, в частности, писал: «<...> Екатерина Таубер, уже несколько лет знакомая читателям «Возрождения», но лишь теперь собравшая свои стихи в отдельную книжку. Для Таубер каждый миг жизни — тема, потому что сама жизнь ею переживается поэтически, и это ее прекрасно отличает от весьма многих современных поэтов. В сущности, это ведь и есть признак настоящего дарования и единственная почва, на которой дарование может существовать и развиваться. Однако, развитие такое предполагает и некоторый выход из той замкнутости, из той ревнивой интимности, которая вообще слишком часто характерна для женской поэзии и которой отчасти страдает Таубер. Ее стихи — не только о себе, но еще и слишком «для себя». Порою они напоминают отрывки из дневника или разговор шепотом с собою самой. Не потому ли в книжке ее лишь одно стихотворение имеет самостоятельное заглавие, да и то определяет не тему лирической записи, а лишь внешние обстоятельства, при которых она возникла («В поезде»)? Не потому ли и вся книжка Таубер носит название — «Одиночество»? Глубоко сосредоточенная в себе, Таубер, однако ж, среди мотивов, одушевляющих ее творчество, как будто еще не нашла основных, центральных, самых для нее нужных и важных. Поэтому она еще и не научилась сосредотачивать свое внимание и свои силы на том, что должно и может придать ее стихам наибольшее словесное и звуковое своеобразие. В стихах всегда изящных, всегда умных и хорошо построенных, очень часто вполне своеобразных по чувству и мысли, в них заключенных, она все еще не вполне, не достаточно четко выработала свою стихотворную манеру, свой почерк, по которому ее письмо тотчас и безошибоч-

но можно было бы отличить от других. Зачатки этого у нее уже есть несомненно <...>. Залог открытого пути к мастерству для Таубер — в ее непосредственной отзывчивости, в ее очень глубоком и напряженном лиризме, в той искренности и живости, которыми так несомненно ее стихи отмечены. Какой жалкий, ребяческий вздор — разговоры о том, что мастерство сухо и мертвенно! Напротив: потому-то и кажется мне для Таубер открытым путь к мастерству, что ее стихи уже сейчас привлекают той *человечностью*, которой у нее, может быть, больше, чем у кого бы то ни было из молодых наших поэтов, и которая, в свою очередь, вызывает не только литературное, но и человеческое сочувствие».

12 Книга никогда не вышла.

13 Вторая книга Таубер («Под сенью оливы») была издана парижским издательством «Дом книги» лишь в 1948 г.

14 Отдельной книгой стихи Дуракова никогда не выходили. Владимир Львович Гальский (1908—1961) выпустил свои «Стихи» в Мюнхене лишь в 1947 г. О нем см.: *Джурич*. С. 121—122.

15 О деятельности белградского Пушкинского Комитета см.: *Джурич*. С. 233—241. Ни одна из названных книг о Пушкине не выходила и ничего не было предпринято совместно с парижским пушкинским комитетом, в состав которого входили Ходасевич, Маклаков (председатель), Алданов, Бунин, М. Л. Гофман, С. М. Лифарь, Милюков, Г. Л. Лозинский, М. М. Федоров и др.

8. ХОДАСЕВИЧ — ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Дорогой Илья Николаевич,

очень рад, что Вы, наконец, подали голос. За сто франков благодарю, но прошу Вас не посылать их ни мне, ни в «Дом Книги», а хранить у себя «впредь до распоряжения». Скажите от меня спасибо Ракитину. Когда-то мы с ним били едва-едва, шапочно, знакомы — еще в Москве. Кажется, даже — кто-то из нас за что-то был другим недоволен: не то он мной — не то я им, ей-Богу не помню! Какой вздор все наши «трения»! С тех пор прошли года 22 — и каких года!

Теперь вот что: я не представляю себе, почему бы «Возр<ождение>» не напечатало Вашу статью, — но предварительно говорить о ней в редакции не хочу, потому что от такого разговора они только могут без всякой надобности насторожиться. По-моему — напишите и пришлите, но сделайте это не сейчас, а когда вернется из отпуска Долинский, т. е. после 1 октября. Оно еще и потому лучше, что сейчас «не сезон», а в октябре литературные страсти опять заиграют¹.

Пожалуйста, передайте Таубер, что написанное мною о ней как-то словесно не вытанцевалось, т. е. вышло гораздо суше, чем мне хотелось. Я это чувствовал уже когда писал и досадовал на себя, но ничего не мог сделать — я в те дни был очень измучен. Я даже хотел ей написать об этом, но не знаю ее адреса.

Что Вы затеваете издавать книги — сердечно радуюсь: значит у Вас там водятся стихи и деньги — вещи великолепные.

С Цетлиным я не вижусь, но поговорю с Рудневым, который сейчас фактически один редактирует «С<овременные> З<аписки>»².

Будьте здоровы и пожелайте так же мне. Я на днях на 2 недели уеду из Парижа: три года сплошь дышал только пылью да литературой!³

Ваш

Владислав Ходасевич.

7 авг<уста> 935.

- 1 Статья Голенищева, о которой говорится в письме, в «Возрождении» не появилась.
- 2 Руднев Вадим Викторович (1874—1940) — врач, видный эсер, московский городской голова в 1917 г., один из основателей-редакторов «Современных записок». Ср. в кн. Глеба Струве «Русская литература в изгнании»: «Под конец журнал фактически редактировался более или менее единолично В. В. Рудневым» (С. 52).
- 3 19 августа 1935 г. Ходасевич уехал в Baillon, на севере от Парижа (недалеко от Bois de Chantilly), где он оставался до конца месяца (31-го он вернулся в Париж).

9. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ — ХОДАСЕВИЧУ

Белград.
14/III 1936 г.

Глубокоуважаемый и дорогой
Владислав Фелицианович,

Посылаю Вам сборник «Литер<атурная> Среда», который наконец вышел. Там Вы найдете имена Вам известные и совсем новые¹. Не защищаю Михаила Погодина (сына профессора) — он, впрочем, «белетрист»², но Гальской, Девель и Смагин мне кажутся любопытными³. Мне совсем понравилась «Эфемерида» Кискевича (горбатого поэта, некогда Вас посетившего в Париже)⁴. Он и Дураков несколько «под Вас». Сии последние — по дошедшим до меня слухам — уже удостоились осуждения Терапиано⁵. Но я к «терапианизмам» привык. Вы также.

Небольшая группа поэтов и писателей «Литер<атурная> Среда» все же для Белграда — событие. Я полагаю что их следовало бы «поощрить» и защитить от белградской литературно-общественной клоаки. Быть может Вы согласитесь написать в «Возрождении». Буду Вам очень благодарен.

Я совсем отстал от парижских «литературных событий». Пишу статьи в местных журналах, закончил французскую научную книгу (для Парижа)⁶: читаю лекции по-сербски, а для души — стихи. Небольшую поэму — *Ментенон* — пошлю на днях Цетлину для «Совр<еменных> Записок»⁷.

Пришлите мне пожалуйста Вашу краткую био-библио-графию (полстраницы); предполагаю написать статью в «Српском Книжевном Гласнику» (лучший югослав<ский> литер<атурный> журнал). Там охотно берут русский матерьял. Поместил уже статьи о Белом, Гоголе, Вячеславе Иванове, В. Соловьеве⁸.

Кстати, что мне делать с деньгами, полученными от Союза Писателей (100 фр. = 300 динар) на предмет подписки на будущую Вашу книгу о Пушкине? Послать Вам или Каплану или вернуть Союзу? Жду инструкций. Я мог бы еще найти подписчиков.

И здесь образовался «Пушк<инский> Комитет».

Предполагается сборник⁹. В редакц<ионную> комиссию вошли — проф. Аничков¹⁰, проф. Соловьев¹¹, П. Б. Струве¹², проф. Погодин (увы!)¹³, Кирилл Тарановский (сын покойного профессора)¹⁴ и Ваш покорный слуга.

Собираюсь этим летом в Париж да не уверен — удастся ли¹⁵.

Жму Вашу руку.

Сердечно преданный Вам

Ваш Илья Голенищев-Кутузов

P. S. Пишите мне на университет:

Francuski Seminar

Filosofski fakultet

Universitet

Belgrade

-
- 1 В сборнике «Литературная среда» (на обложке «Белград. 1936», на титульном листе «Белград. 1935») поместили свои стихи следующие авторы: Владимир Гальской, Голенищев-Кутузов, Игорь Гребенщиков, Нина Гриневиц, Лидия Девель, Алексей Дураков, Евгений Кискевич, Александр Неймирок, Михаил Погодин, Борис Смагин и Екатерина Таубер.
  - 2 Погодин Михаил Александрович (1901—1941) — прозаик и поэт, сын проф. А. Л. Погодина, друг Голенищева. Преподавал немецкий язык и литературу в гимназии в Сокобани. Из-за его профессиональных интересов его подозревали в сотрудничестве с немецкими оккупантами, и однажды, когда он сидел в кафе с друзьями, он был убит. О нем см.: *Джурич*. С. 122—123.
  - 3 Девель Лидия Алексеевна (1909—1989; печаталась под псевдонимом Алексеева с 1949 г.) — поэтесса, в эмиграции с 1922 г., жена М. Д. Иванникова (с 1937 по 1949 г.). После окончания Белградского университета преподавала в русско-сербской гимназии в Белграде, переводила с сербо-хорватского на русский. Секретарь «Общества ревнителей чистоты русского языка» в Югославии, которую она покинула в 1944 г. Сначала жила в Австрии, а в 1949 г. переехала в США. Она много лет работала в славянском отделе Публичной библиотеки города Нью-Йорка. О ней см.: *Джурич*. С. 106—116. Она опубликовала четыре стихотворения в «Литературной среде»: «Последний лист на дереве сквозном»; «Как в раковине замкнут темный гул», «Наш дух с надеждой и сомнением», «Люблю, как ящерица, жаркий камень».
Четыре стихотворения Бориса Смагина были опубликованы в «Литературной среде»: «Может быть, бессонными ночами», «Иная жизнь» («Ведь, верится, иная жизнь придет»), «Как бы мне о жизни, лишь о ней», «Кажется, на этом свете скоро». Ничего о нем не известно (см.: *Джурич*. С. 123).
  - 4 Кискевич Евгений Михайлович (1891—1945) — поэт, в середине двадцатых годов основал «Литературный кружок имени М. Ю. Лермонтова», который в 1927 г. в Белграде выпустил сборник стихов «Зодчий». Автор «Собрания стихов» (Белград, 1929) и «Стихов о погоде» (Белград, 1940). Он служил мелким чиновником в Министерстве финансов. После освобождения Югославии был арестован советскими властями и, без всяких доказательств, обвинен в сотрудничестве с немцами; был передан югославским властям и приговорен военным трибуналом к расстрелу. О нем см.: *Джурич*. С. 70—74. Его небольшое стихотворение «Эфемериды», одно из четырех, было помещено в «Литературной среде» (С. 31).
  - 5 Терапиано Юрий Константинович (1892—1980) — поэт и критик, участник группы «Перекресток».
  - 6 В 1935 г. Голенищев защитил докторскую диссертацию в Школе высших филологических и исторических наук при университете Сорбонны в Париже («L'histoire de Griseldis en France au XIVe et au XVe siècle»). См. заметку (без подписи) «И. Н. Голенищев-Кутузов. Защита диссертации» в «Возрождении» от 12 марта 1933 г. (№ 2840): «11 марта сотрудник нашей газеты И. Н. Голенищев-Кутузов защитил в Сорбонне диссертацию: «Легенда о Гризельде во Франции в XIV и XV веке» (влияние Петрарки на французскую литературу на исходе средних веков) и был удостоен звания доктора Парижского университета — avec mention honorable (с похвальным отзывом). Оппонентами были: профессора

Сорбонны и члены Французской Академии Наук Альфред Жанруа, Марио Рок и Онри Оветт». 16 марта 1933 г. в «Возрождении» (№ 2844) была опубликована статья Юрия Мандельштама «Легенда о Гризельде (Диссертация И. Н. Голенищева-Кутузова)».

Голенищев и в дальнейшем продолжал заниматься проблематикой взаимодействия итальянской и французской литератур раннего Ренессанса. 11 июля 1937 г. он писал В. И. Иванову: «Три года тому назад, когда мне удалось еще раз побывать летом в Париже, я собрал неизданные материалы для небольшого исследования о Филиппе де Мезьере, друге Петрарки, одном из интереснейших писателей XIV века. Работа эта, как увидите, связана с моей диссертацией и является ее продолжением» (Europa Orientalis. 1989. № 8. С. 523). Монография вышла по-французски в Белграде в 1937 г. (изд-во «Svetlost»): «Étude sur «Le livre de la vertu du sacrement de mariage et reconfort des dames mariées» de Philippe de Mézières, d'après un manuscrit du XIVe siècle de la Bibliothèque nationale à Paris».

- 7 Поэма никогда не появилась в «Современных записках» и, по-видимому, вообще осталась неопубликованной.
- 8 О статье о Белом см. примеч. 21 к п. 3. Его статья о Гоголе была опубликована в кн. XLIV, бр. 7 за 1 апреля 1935. С. 554—558; о Достоевском и В. И. Иванове в кн. XLVI, бр. 2 за 16 сентября 1935 г. С. 100—109; о Соловьеве и его «югославянских друзьях» (по поводу 35-летия смерти философа) в кн. XLVII, бр. 7 за 1 апреля 1936 г. С. 509—515. Голенищев также опубликовал там статьи о Гумилеве, Пушкине, Валери, Рильке, Прусте, Хаксли, Замятине, Леопарди, Монтерлане, Шевченко, Лермонтове и др., но ничего о Ходасевиче. Статьи Голенищева о русской литературе были собраны и изданы в Белграде в 1937 г. («Из новой руске књижевности»). См. заметку (без подписи) «Новая книга И. Н. Голенищева-Кутузова» в «Возрождении» от 25 июня 1937 г. (№ 4084); «В седьмой серии «Современника», издаваемого самым большим культурно-просветительным обществом в Югославии — «Сербской Книжной (Литературной) Задругой», вышла по-сербски книга И. Н. Голенищева-Кутузова: «Из новой русской литературы». Кроме двух статей, приуроченных к столетнему юбилею Пушкина, в этой книге находим мы эссе о Гоголе и новой литературе, о Льве Толстом и Достоевском, а из новейших писателей — о Вячеславе Иванове, Волошине, Белом, Гумилеве и Замятине».
- 9 «Белградский Пушкинский сборник», с предисловием академика А. И. Белича, под редакцией Е. В. Аничкова, вышел в Белграде в конце 1937 г. (издание Русского Пушкинского комитета в Югославии). Ходасевич в нем перепечатал свою статью «Аврора Шернваль» (впервые: Возрождение. 1934. 25 октября. № 3431). Там же Голенищев опубликовал статью «Роза в поэзии Пушкина».
- 10 Аничков Евгений Васильевич (1866—1937) — историк литературы, критик, специалист по романским литературам, с 1920 г. профессор Белградского университета, а затем, с 1926 по 1936 г., проф. литературы в университете в Скопле. О его деятельности в Югославии см.: *Джурич*. С. 62—64. Опубликовал статью «Пушкин и театр (К «Моцарту и Сальери»)» в «Белградском Пушкинском сборнике».
- 11 Соловьев Александр Васильевич (1890—1971) — профессор истории славянского права в Белградском университете до 1946 г., затем в Сараево. Преподавал литературу в Русско-сербской гимназии в Белграде, а с 1953 г. читал лекции по славянским языкам и литературам и по истории Византии в Женевском университете (см.: *Джурич*. С. 138—139). Опубликовал статью «Югославянские темы в произведениях Пушкина» в белградском сборнике.
- 12 Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — историк, экономист, политик, редактор петербургской «Русской мысли» и нескольких эмигрантских периодических изданий (в том числе «Русской мысли», «Возрождения» и «России и славянст-

ва»). В связи с открытием Русского Научного института 16 сентября 1928 г. он переселился из Праги в Белград и вошел в состав Института (см.: *Джурич*. С. 210—212). В белградском сборнике была напечатана его статья «Дух и Слово Пушкина».

13 Погодин Александр Львович (1872—1947) — профессор славистики в Белградском университете, историк литературы и библиограф. Он также возглавлял Русское Археологическое общество в Белграде. О нем см.: *Джурич*. С. 136—137. См. также статью Ходасевича «Белградская рукопись» в «Возрождении». 1933. 14 декабря. № 3117.

14 Тарановский Кирилл Федорович (1911—1993) — ученый-славист, сын известного специалиста по истории славянского права, профессора Белградского университета и почетного члена Сербской Королевской Академии наук Федора (Тедора) Васильевича Тарановского (1875—1936). В то время молодой Тарановский занимался филологией в Белградском университете, писал русские стихи (был членом «Литературной среды»), переводил сербскую поэзию на русский и русскую поэзию на сербский язык, был автором статей о сербской, хорватской и русской поэзии и прозе (его статья «Пушкин и Мицкевич» была опубликована в белградском пушкинском сборнике) и рецензий (он рецензировал книгу Голенищева о русской литературе в журнале «Српски Књижевни гласник». 1937. 16 июня. Кн. LI, бр. 4). О нем см.: *Джурич*. С. 102—106.

15 Поездка в Париж не состоялась.

10. ХОДАСЕВИЧ — ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Дорогой Илья Николаевич,

«Лит<ературную> Среду» (лучше бы — множественное число) получил, спасибо. Не очень скоро, но напишу о ней сам, чтобы Мандельштам не вздумал свирепствовать¹. Я постараюсь быть снисходительнее, хотя сборник не кажется мне удачным. Вы лучше всех, конечно, но такие Ваши стихи мы уже читали². Лучшая книга Дуракова — увы — «Тяжелая Лира»³. У Кискевича очень хороши два заключительных стиха о Тютчеве — и все тут⁴. «Эфемерида» — эфемерида. Погодин все же лучше Гребенщикова⁵. Таубер на сей раз меня не радует — вот что грустно⁶. Надеюсь, это случайность. Прочие скучны, вялы, не любопытны.

За хлопоты о Пушкине спасибо. Подписка шла хорошо, но книгу я раздумал писать: «Возрождение» заело. Это — горькая для меня тема, оставим ее. 100 фр. верните, пожалуйста, Союзу Писателей, а другие сто я вскоре Вам пришлю. За заботы и хлопоты очень благодарю Вас.

Одна из причин отказа от «Пушкина» — болезнь. Я все хвораю, недавно целый месяц пролежал в постели⁷, так что и статьи некоторые не писал, а диктовал, что для меня мука смертельная.

Желаю Вам успеха во всех делах Ваших. А здесь, кажется, и дел никаких нет.

Курлыкулум <так!>вите прилагаю⁸. Прославьте меня, пожалуйста. Я замечательный человек.

Будьте здоровы.

Любящий Вас

В. Ходасевич.

25 марта 1936.

- 1 Ни Ходасевич, ни поэт и критик Юрий Владимирович Мандельштам (1908—1943) не рецензировали сборник «Литературная среда» в «Возрождении» (после смерти Ходасевич в 1939 г. Мандельштам вел критический отдел газеты). Мандельштам напечатал рецензию на «Антологию новой югославянской лирики», составленную и переведенную Голенищевым, Дураковым и Таубер (Белград: Изд-во Союза русских писателей и журналистов в Югославии, 1933), в девятом выпуске «Чисел» (1933). Там он, в частности, писал: «составлена она не профессиональными переводчиками, а лицами, оригинальные стихи которых не раз появлялись в печати, между тем получился у них всего лишь ряд добросовестных, но чисто ремесленных работ. <...> Но главной цели — ознакомить русских читателей с новой югославянской лирикой — переводчики все же достигли» (С. 228—229).
- 2 Стихи Голенищева в «Литературной среде»: «Сколько раз в порыве страсти гневной», «Как южным воздухом, как Адрии волной», «Ты знаешь все пляски», «Пройдут недели, месяцы и годы».
- 3 «Тяжелая лира» — четвертая книга Ходасевича (первое издание «Госиздата», 1922; второе — издательства З. И. Гржебина, декабрь 1922). Дураков поместил в сборнике следующие стихи: «Вседневной думы о разлуке», «Голубая смерть» («Тревожат грохоты и взрывы»), с посвящением Голенищеву, «Ты за душой не поспеваешь», с посвящением «Р. М.».
- 4 Имеется в виду конец стихотворения «К портрету» («Он цензор был и дипломат...»): «Как бы всклокоченный венок/На голове его белеет».
- 5 В сборнике были опубликованы три стихотворения Погодина («Мой сон, как тысяча осколков», «Пусть развлекаются молюски», «Приходят созревшие сроки») и четыре Игоря Сергеевича Гребенщикова (1912—1986): «Балет» («Как перст, поднятый в назиданье»), «Пирей» («Тени пароходов, словно стадо веррей»), «Лесное» («Переливами безголосыми»), с посвящением Игорю Савичу, «Перед экзаменом» («Сижу, листаю книгу толстою»).
- 6 В сборнике были помещены четыре стихотворения Таубер: «И руки за окном ломали», «В просторы нерожденных дней», «Там окна — театральные кулисы», «Не удержать. Отдать. Истаять».
- 7 В «камерфурьерский журнал» за 14, 17, 18, 20—23, 25—29 февраля 1936 г. Ходасевич записал «Весь день в постели». А в марте такая же запись за 2, 3, 4 и 7-го числа.
- 8 На отдельном листе при письме находим «*curriculum vitae*» Ходасевича:
 Ходасевич, Владислав Фелицианович.
 Родился в Москве, 16/28 мая 1886. Через 2 мес<яца> — 50 лет.
 Печататься начал в 1905 г. (Альманахи: «Гриф», «Мусагет», «Альциона», «Эпоха» и т. д. Журналы: Перевал, Золотое Руно, Русская Мысль, Аполлон, Северные Записки, Заветы, Современник и т. д. Газеты: Утро России, Русские Ведомости и т. д. Стихи, критические статьи, рецензии).
 Книги. Стихи: Молодость (1908), Счастливый Домик (1914, 1921, 1923), Путем зерна (1920, 1922), Тяжелая лира (1923), Европейская ночь (1927).
 Статьи: Статьи о русской поэзии (1922), Поэтическое хозяйство Пушкина (1924). Книга о Державине (1931).
 Переводы в стихах и прозе: Красинский, Мицкевич, Мериме, Мопассан, и др., а также поэты армянские, латышские, финские, еврейские (отд. изд. — «Из еврейских поэтов» (1921 и 1923)).
 Из России уехал в 1922 г. Жил и скитался: Берлин, Прага, Мариенбад, Венеция, Рим, Париж, Лондон, Бельфаст, Париж, Рим, Сорренто, Париж.
 Что я здесь делал и делаю («Соврем<енные> Записки», «Посл<едние> Нов<ости>», «Дни», «Возрождение») — сами знаете.
 Кот Мурр род<ился> летом 1931 г., † в 1932. Кот Наль-Мурр-Аристарх-Фаладей-Василий-Мурлыка I, род<ился> в 1932 г. — благополучно царствует.
 Орденов не имею. Знаком с Оцупом, Терапиано и Заковичем.